

ДИСКУРСЫ ЭТИКИ
Выпуск 4(28), 2025

Санкт-Петербургское
философское общество

Санкт-Петербург
2025

DISCOURSES OF ETHICS
Issue 4(28), 2025

St. Petersburg Philosophical Society

Saint Petersburg
2025

Дискурсы этики

Выпуск 4(28), 2025

УДК 17
ББК 87.7
Д48

ISSN (Печатный): 2306-9430
ISSN (Онлайн): 2311-570X

Постоянная ссылка:

http://theoreticalappliedethics.org/archive/2025_4_28/

Научное издание «Дискурсы этики» является рецензируемым академическим ежеквартальным журналом, посвященным актуальным вопросам теории и истории этики, а также современным проблемам прикладной этики.

Цель журнала: стимулировать активную дискуссию об истории этического знания и тенденциях в рамках этических дисциплин, общественной морали, отношении этики и права, вопросах ценностей и перспективах развития этико-гуманитарных направлений в современном российском и международном контексте.

Выходит 4 раза в год.

Редколлегия:

Россия, 199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, д.5,
ауд.104а. Тел.: +7(812)328-94-21 (1843)

e-mail: theoretical.applied.ethics.spbu@gmail.com

<http://theoreticalappliedethics.org/>

© Коллектив авторов, 2025

© Санкт-Петербургское философское общество, 2025

Discourses of Ethics

Issue 4(28), 2025

ISSN (Print): 2306-9430

ISSN (Online): 2311-570X

Permanent link:

http://theoreticalappliedethics.org/archive/2025_4_28/

«Discourses of Ethics» is a peer-reviewed quarterly published academic journal that focuses on topical issues of theoretical and applied ethics.

Mission and scope:

- To provide a platform for research in ethics;
- To reintegrate the ethical community;
- To promote a dialogue in the academic community of moral philosophers;
- To ensure the availability of knowledge, educational technologies and high educational standards for students.

The journal presents the most diverse ethical issues: from bioethics to professional ethics, from the history of ethics to the recent ethical studies.

Editorial office:

5 Mendeleevskaya liniya, office 104a, Saint Petersburg, 199034, Russia.

Phone: +7(812)328-94-21 (1843)

e-mail: theoretical.applied.ethics.spbu@gmail.com

<http://theoreticalappliedethics.org/>

© Authors, 2025

© St. Petersburg Philosophical Society, 2025

Главный редактор

Вадим Юрьевич Перов, кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой этики, Санкт-Петербургский государственный университет

Международный редакционный совет

Георгий Петрович Артёмов, доктор философских наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет; *Александр Иосифович Бродский*, доктор философских наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет; *Лешек Колчух*, Ph.D., Sc.D., профессор, Университет Марии Склодовской-Кюри, Люблин, Польша; *Александр Сергеевич Лаптенко*, доктор философских наук, профессор, Белорусский государственный экономический университет, Минск, Республика Беларусь; *Эрвин Ленгауэр*, Ph.D., Венский университет, Вена, Австрия; *Шунцо Маджима*, Ph.D., профессор, Университет Хоккайдо, Япония; *Гинтаутас Мажейкис*, Ph.D., Dr.habil., профессор, Университет Витаутаса Великого, Каунас, Литва; *Альберто Пирни*, Ph.D., Высшая школа Св.Анны, Пиза, Италия; *Златица Плашиенкова*, доктор философии, профессор, Университет им.Я.А.Коменского, Братислава, Словакия; *Александр Владимирович Разин*, доктор философских наук, профессор, Московский государственный университет им.М.В.Ломоносова; *Предраг Чичовачки*, Ph.D., профессор, Колледж Холи Кросс, Вустер, США; *Александр Анатольевич Шевченко*, доктор философских наук, старший научный сотрудник отдела философии Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук

Редакционная коллегия

Татьяна Юрьевна Барташевич, кандидат философских наук, Санкт-Петербургский государственный университет; *Дмитрий Алексеевич Гусев*, Санкт-Петербургское философское общество; *Евгений Викторович Держивицкий*, кандидат философских наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет; *Татьяна Викторовна Ковалева*, кандидат философских наук, Санкт-Петербургский государственный университет; *Игорь Юрьевич Ларионов*, кандидат философских наук, Санкт-Петербургский государственный университет; *Елена Анатольевна Овчинникова*, кандидат философских наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет; *Нина Вадимовна Перова*, Институт философии РАН; *Андрей Михайлович Положенцев*, кандидат философских наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Сотрудники редакции

Глебова Софья Валерьевна, ответственный секретарь
Васильев Андрей Витальевич, *Климова Анисия Евгеньевна*,
Макарова Надежда Павловна

Editor-in-Chief

Vadim Yu. Perov, Candidate of Science in Philosophy, Docent, head of the Department of Ethic, Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

International Advisory Board

Georgiy P. Artyomov, Doctor of Science in Philosophy, Professor, Saint Petersburg State University, Russia; *Alexander I. Brodsky*, Doctor of Science in Philosophy, Professor, Saint Petersburg State University, Russia; *Leszek S. Kopciuch*, PhD, DSc, Professor, Maria Curie-Skłodowska University in Lublin, Poland; *Aleksandr S. Laptenok*, Doctor of Science in Philosophy, Professor, Belarus State Economic University, Minsk, Belarus; *Erwin Lengauer*, Ph.D., University of Vienna, Austria; *Shunzo Majima*, Ph.D., Professor, Hokkaido University, Japan; *Gintautas Mazeikis*, Ph.D., Dr. habil., Professor, Vytautas Magnus University, Lithuania; *Alberto E.E. Pimi*, Ph.D., Sant'Anna School for Advanced Studies, Pisa, Italy; *Zlatica Plašienková*, philosophiae doctor, Professor, Comenius University in Bratislava, Slovakia; *Aleksandr V. Razin*, Doctor of Science in Philosophy, Professor, Moscow State University, Russia; *Predrag Cicovacki*, Ph.D., Professor, College of the Holy Cross, USA; *Aleksandr A. Shevchenko*, Doctor of Science in Philosophy, Institute for Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

Editorial Board

Tatiana Yu. Bartashevich, Candidate of Science in Philosophy, Docent, Saint Petersburg State University; *Dmitriy A. Gusev*, St. Petersburg Philosophical Society; *Evgenij V. Derzhivitskij*, Candidate of Science in Philosophy, Docent, Saint Petersburg State University; *Tatiana V. Kovaleva*, Candidate of Science in Philosophy, Docent, Saint Petersburg State University; *Igor Yu. Larionov*, Candidate of Science in Philosophy, Docent, Saint Petersburg State University; *Elena A. Ovchinnikova*, Candidate of Science in Philosophy, Docent, Saint Petersburg State University; *Nina V. Perova*, RAS Institute of Philosophy; *Andrey M. Polozhentsev*, Candidate of Science in Philosophy, Docent, Saint Petersburg State University

Editorial Team

Sofia V. Glebova, Assistant Editor
Andrei V. Vasilev, *Anisia E. Klimova*, *Nadezhda P. Makarova*

СОДЕРЖАНИЕ

Прикладная этика

Стратегия развития человеческого потенциала в КНР: этические императивы и моральные ориентиры в новой эпохе <i>Дугарова С. Б.</i>	13
От редакции. Представляем серию бесед со специалистами в области теоретической и прикладной этики	29
Practical Perspectives on Applied Ethics from the Ecuadorian Experience: A Conversation with Darwin Bellini Reyes Solís	33

Этическая экспертиза

«Яндекс» получил 42 штрафа за отказ предоставить ФСБ доступ к «Яндекс ID» и «Алисе»: этическая экспертиза <i>Игнашов А. В., Хусаинов М. Д.</i>	43
--	----

Обзоры и рецензии

«Теоретическая и прикладная этика: традиции и перспективы — 2025» Обзор XVII Международной научной конференции <i>Перов В. Ю., Перова Н. В., Артамонов Д. С., Белялетдинов Р. Р., Романова И. К., Тебякина Е. Е., Тихонова С. В., Углева А. В., Шапиро О. А.</i>	61
---	----

Переводы

Уолцер М. Политическое действие: проблема грязных рук <i>пер. с англ. Васильев А. В.</i>	89
--	----

CONTENTS

Applied Ethics

Human Development Strategy in China: Ethical Imperatives and Moral Guidelines in the New Era <i>Dugarova Svetlana</i>	13
Editorial Note. Introducing a Series of Conversations with Scholars Engaged in Theoretical and Applied Ethics	29
Practical Perspectives on Applied Ethics from the Ecuadorian Experience: A Conversation with Darwin Bellini Reyes Solís	33

Professional Moral Evaluation

«“Yandex” Fined 42 Times for Denying FSB Access to “Yandex ID” and “Alice”»: Ethical Analysis <i>Ignashov Alexander, Khusainov Milan</i>	43
--	----

Reviews

«Theoretical and Applied Ethics: Traditions and Prospects — 2025» Review of the 17th International Conference <i>Perov Vadim, Perova Nina, Artamonov Denis, Belyaletdinov Roman, Romanova Irina, Tebiakina Elena, Tikhonova Sophia, Ugleva Anastasia, Shapiro Olga</i>	61
---	----

Translations

Michael Walzer Political Action: The Problem of Dirty Hands <i>The Translation into Russian by Vasilev Andrei</i>	89
---	----

ОТ РЕДАКТОРА

Уважаемые коллеги!

Вашему вниманию предлагается очередной выпуск журнала «Дискурсы этики».

Этот номер призван продемонстрировать, некоторые инновации, появившиеся в предыдущих выпусках, постепенно становятся добрыми (не побоюсь этого слова) традициями.

Во-первых, Вы можете ознакомиться с обзором некоторых круглых столов, которые проходили в рамках XVII Международной конференции «Теоретическая и прикладная этика: традиции и перспективы — 2025. «Нравственный прогресс: уроки прошлого и вызовы настоящего», прошедшей в Санкт-Петербургском государственном университете 20–22 ноября 2025 г.

Во-вторых, начиная с прошлого выпуска в журнале стали появляться статьи на основе интервью, которые обучающиеся в магистратуре Санкт-Петербургского государственного университета брали у специалистов в области моральной философии и прикладных этик. В центре внимания этих публикаций оказываются вопросы о специфике прикладных этик и об их практической значимости в различных областях общественной и личной жизни. В этом номере Вы можете ознакомиться с мыслями Дарвина Беллини Рейес Солис (Darwin Bellini Reyes Solís), профессора из Эквадора.

В-третьих, Вашему вниманию представлен очередной анализ этического кейса на тему: «“Яндекс” получил 42 штрафа за отказ предоставить ФСБ доступ к “Яндекс ID” и “Алисе”: этическая экспертиза» который был сделан Игнашовым Александром Васильевичем и Хусаиновым Миланом Дмитриевичем.

Кроме этих материалов, читатели могут ознакомиться с публикацией Дугаровой Светланы Базаржаповны, посвящённой некоторым аспектам

трудовой этики в Китайской Народной Республике в контексте идеи «человеческого капитала».

И, наконец, мы рады представить перевод известной и не потерявшей актуальности статьи М. Уолцера «Политическое действие: проблема грязных рук».

Будем рады видеть Вас не только в качестве благожелательных и одновременно строгих читателей, но и в качестве будущих авторов журнала «Дискурсы этики».

С уважением,

Главный редактор

Вадим Юрьевич Перов

ПРИКЛАДНАЯ ЭТИКА

APPLIED ETHICS

[Пустая страница]

[This page intentionally left blank]

Дискурсы этики. 2025, 4(28): 13–28

ISSN 2311-570X (online)

Постоянная ссылка:

http://theoreticalappliedethics.org/wp-content/uploads/2026/03/DE2025_4_28_13-28.pdf

DOI: 10.24412/2311-570X-2025-4-13-28

УДК 331.101

СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА В КНР: ЭТИЧЕСКИЕ ИМПЕРАТИВЫ И МОРАЛЬНЫЕ ОРИЕНТИРЫ В НОВОЙ ЭПОХЕ

Дугарова С. Б.

статья:

поступила в редакцию 04.10.2025

принята к публикации 15.12.2025

опубликована (онлайн) 01.03.2026

© Дугарова Светлана Базаржаповна

кандидат философских наук, доцент кафедры восточных языков

Санкт-Петербургского государственного экономического университета,

Санкт-Петербург, Россия

адрес для корреспонденции: svetlanadu2024@gmail.com

Эта статья доступна в соответствии с условиями лицензии Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License (CC BY-NC 4.0)

Аннотация: Статья посвящена комплексному анализу идеологических и ценностных основ государственной политики Китая в области формирования человеческого потенциала, исследуемой через призму этических императивов и моральных ориентиров в новой эпохе. На основе изучения эволюции государственной политики по развитию человеческого потенциала раскрывается уникальный характер китайской модели. Особое внимание уделяется традиционным конфуцианским категориям «жэнь-цай», «хэсе» и «дэ», который интегрируются в современную идеологию и формируют концепт «всестороннего гармоничного человека». В рамках

этого подхода мораль является не абстрактной ценностью, а «духовной производительной силой» и ключевым элементом «морального капитала» нации. Практическая реализации стратегии проявляется в образовательной политике, направленной на «воспитание нравственности», и в идее «китайской мечты», подчиняющей индивидуальное развитие национальным интересам. В заключении обосновывается, что китайская модель предлагает альтернативный западной модели путь, где синтезируются традиции, идеология и технологическая модернизация.

Ключевые слова: Китай, человеческий потенциал, гармония, философия, мораль, стратегия, человек.

Discourses of Ethics. 2025, 4(28): 13–28

ISSN 2311-570X (online)

permanent link:

http://theoreticalappliedethics.org/wp-content/uploads/2026/03/DE2025_4_28_13-28.pdf

DOI: 10.24412/2311-570X-2025-4-13-28

HUMAN DEVELOPMENT STRATEGY IN CHINA: ETHICAL IMPERATIVES AND MORAL GUIDELINES IN THE NEW ERA

Dugarova Svetlana

received 04.10.2025

accepted 15.12.2025

published (online) 01.03.2026

© Svetlana B. Dugarova

PhD in Philosophy, Associate Professor, Department of Oriental Languages,

Saint Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russia

Correspondence to: svetlanadu2024@gmail.com

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License (CC BY-NC 4.0)

Abstract: This article provides a comprehensive analysis of the ideological and value-based foundations of China’s public policy on human development, examined through the prism of ethical imperatives and moral guidelines in the new era. By examining the evolution of public policy on human development, the unique character of the Chinese model is revealed. Particular attention is paid to the traditional Confucian categories of “rencai”, “hexie”, and “de”, which are integrated into modern ideology to form the concept of a “comprehensive harmonious person”. Within this approach, morality is not an abstract value but a “spiritual productive force” and a key element of a nation’s “moral capital”. The practical implementation of this strategy is manifested in an educational policy aimed at “moral education” and in the idea of the “Chinese dream”, which subordinates individual development to national interests. The article concludes by arguing that the Chinese model offers an al-

ternative to the Western model, synthesizing tradition, ideology, and technological modernization.

Keywords: China, Human Potential, Harmony, Philosophy, Morality, Strategy, Individual.

С 2003 г. в Китае реализуется стратегия построения «державы человеческого потенциала» («Жэньцзя тяньго чжаньлюе» 人才强国战略), которая сочетает в себе традиционные конфуцианские установки и систему инновационных механизмов по наращиванию и развитию человеческого потенциала КНР.

Разработке и изучению данной стратегии в Китае уделяется пристальное внимание. Так в Центре исследований развития человеческого потенциала при Министерстве образования разрабатываются и оцениваются образовательные стандарты для специалистов различных областей и прогнозируется спрос на рынке труда на соответствующих специалистов. Китайский институт занятости и трудовых ресурсов анализирует рынок труда, безработицу и мобильность рабочей силы, а также предоставляет рекомендации по политике занятости. Изучением проблем и потенциала стареющего населения — «серебряной экономики», качества жизни и возможностей устойчивого трудоустройства занимается Национальный исследовательский центр по проблемам старения.

Отделы исследований и разработок создаются также крупными китайскими компаниями, особенно работающими в секторе высоких технологий. Так, компании Huawei, Alibaba, Tencent и Baidu имеют лаборатории, занимающиеся исследованиями взаимодействия человека и компьютера, эффективности командной работы, методов повышения производительности труда сотрудников и систем управления талантами в контексте цифровой трансформации. Он ставят своей целью максимально раскрыть инновационный потенциал своих сотрудников.

На китайском языке понятие «человеческий потенциал» звучит как «жэньцзяй», что в дословном переводе обозначает «талантливый, способный человек». В данном слове уже присутствует глубокий культурно-философский контекст, это культурный код, который отражает социальную ценность и практическую реализацию таланта, проявленного в виде конкретных умений и достижений.

Дугарова С. Б.

Стратегия развития человеческого потенциала в КНР:
этические императивы и моральные ориентиры в новой эпохе

На начальном этапе политики реформ и открытости КНР ключевой задачей стал переход к социалистической модернизации, резко возросла потребность в квалифицированных кадрах для потребностей экономического и социального развития. В декабре 1978 г. в докладе 3-го Пленума ЦК КПК 11-го созыва еще нет официального упоминания слова «жэньцай» [6], но провозглашается лозунг «уважения к знаниям, уважения к человеческому потенциалу» («цзунчжун чжиши, цзунчжун жэньцай» 尊重知识, 尊重人才), что послужило началом новой эры, когда человеческий потенциал стал рассматриваться как ключевая сила для модернизации страны.

В дальнейшем в отчёте 15-го съезда КПК в 1997 г. была выдвинута задача «реализовать стратегию развития страны на основе науки и образования» (实施科教兴国战略) [9]. В данном документе слово 人才 упоминается 4 раза. Было упомянуто, что «Человеческий потенциал является важнейшим ресурсом для научно-технического и социально-экономического развития, необходимо создавать систему стимулирования и наращивания человеческого потенциала».

В 2002 году Китай вступил в ВТО и встал перед лицом экономической глобализации и конкуренции в совокупной национальной мощи, для обеспечения строительства социализма с китайской спецификой. ЦК КПК и Госсоветом КНР была разработана «Программа развития национально-человеческого потенциала 2002–2005» [11]. Этот документ предусматривал общее планирование строительства кадрового контингента Китая в новый период, определены руководящие принципы, целевые задачи его строительства на текущий и последующий периоды. Эту программу можно считать углублением и систематическим развитием национальной стратегии человеческого потенциала. Уже в декабре 2003 года ЦК КПК впервые провёл Центральное совещание по работе с человеческим потенциалом и направил «Решение ЦК КПК и Госсовета о дальнейшем усилении работы с человеческим потенциалом» [10]. В этом документе слово «talанты» упоминается уже 112 раз, а слово «стратегия» 11 раз. Подчёркивалось, что реализация стратегии усиления государства за счет человеческого потенциала является неотложной задачей партии и гос-

ударства, определены основные задачи работы, разработан ряд соответствующих принципов и политик.

В 2007 году стратегия «державы человеческого потенциала» стала одной из основных стратегий развития социализма с китайской спецификой и была внесена в Устав КПК и в отчет на XVII съезде КПК. Таким образом, реализация стратегии вступила в новую стадию развития.

Одной из последних новаций в процессе развития человеческого потенциала стала «Концепция новых производительных сил» («Синьчжи шеньчанли» 新质生产力), являющаяся синтезом современных теорий экономического развития и национальной специфики китайской модели, которая была впервые предложена Си Цзиньпином (习近平) во время его визита в Северо-Восточный Китай в сентябре 2023 года [12].

Современный этап экономического развития Китайской Народной Республики характеризуется фундаментальной трансформацией производственной парадигмы, где традиционная модель роста, основанная на экстенсивных факторах производства, уступает место качественно новой системе производительных сил. Данная трансформация, оформленная в концепции «новых производительных сил», представляет собой стратегический ответ на вызовы времени и формирует институциональные основы для перехода к инновационной модели экономического развития. В данном контексте особую актуальность приобретает исследование взаимосвязи между формированием новых производительных сил и развитием человеческого потенциала как ключевого фактора устойчивого роста.

В отличие от традиционных факторов производства, акцент в данной концепции делается на три взаимосвязанных компонента: когнитивно-технологический компонент, который включает передовые цифровые технологии (искусственный интеллект, блокчейн, квантовые вычисления), биотехнологические разработки, зеленые энергетические решения; институционально-организационный компонент (Модернизация системы управления производством, оптимизация цепочек создания стоимости, формирование инновационных кластеров); человеческий капитал (Качественная трансформация трудовых ресурсов, развитие креативных способностей, формирование инновационного мышления) [1].

Си Цзиньпин (习近平) отметил, что её суть заключается в использовании высоких технологий, в частности цифровой экономики и искусственного интеллекта. Таким образом, новые технологии станут движущей силой трансформации и модернизации традиционных отраслей, таких как сельское хозяйство, обрабатывающая промышленность, производство товаров и услуг.

Си Цзиньпин (习近平) предложил ускорить научно-технические инновации. Научно-технические инновации могут привести к появлению новых отраслей, новых моделей и новых драйверов, являясь ключевым фактором развития новых производительных сил. Укрепление научно-технических инноваций, особенно оригинальных и революционных научно-технических инноваций придаст новый импульс развитию высококачественных новых производительных сил.

Этот процесс неотделим от ускорения инноваций в механизмах управления человеческим потенциалом, который является важнейшим ресурсом, и именно в нём заключается суть инноваций. Развитие новых производительных сил в конечном счёте зависит от инновационного потенциала. Для удовлетворения потребностей развития новых производительных сил необходимо совершенствовать операционные механизмы подготовки, реализации, использования и рационального распределения человеческого потенциала.

Таким образом, согласно концепции «новых производительных сил», технологии являются основной производительной силой, человеческий потенциал — основным ресурсом, а инновации — основной движущей силой. Человеческому потенциалу придаётся роль «инициатора» инноваций. При этом КПК является не только как политическим арбитром, но и моральным ориентиром, а также хранителем ценностей [6].

Наряду с совершенствованием рыночной экономики и места в ней человеческого потенциала, в Китае активно разворачивается работа над этикой и нравственностью, чтобы сделать развитие полезным для общества и совершенствования личности. Важные позиции в развитии стратегии человеческого потенциала занимает концепция «гармонии» («хэсе 和谐»).

При режиме Мао Цзедунa конфуцианская основополагающая концепция «гармония» была отодвинута на второй план и в годы «культурной революции» она подвергалась полномасштабному наступлению как остатку «феодальной» системы убеждений. Важные позиции в пропаганде КПК концепция «гармонии» занимает с 1980-х гг., когда Генеральный секретарь Ху Цзиньтао обратился к ней в ответ на рост социальных волнений в условиях нового экономического порядка.

Понятие «гармония» встречается в конфуцианской, даосской и буддийской традициях. Изначально оно было связано с музыкой и обозначало музыкальную гармонию, которая возникала как результат сочетания звуков, ритмов в одно мелодичное целое.

С середины XX века формируется концепция «гармоничного человека» («хэсе жэнь» 和谐人). Она подразумевает идеального субъекта гармоничного общества, чьё мировоззрение укоренено в ценностном фундаменте социалистической культуры. В дальнейшем развитии эта концепция синтезируется в концепцию «всестороннего гармоничного человека» («цюаньмянь хэсе жэнь» 全面和谐人), которая акцентирует на развитии физических, интеллектуальных и духовных аспектов личности, а ключевым условием выступает соблюдение принципа «гармонии».

Таким образом, человеческий потенциал в КНР выступает носителем «гармоничной культуры», рассматривается в официальном дискурсе в качестве краеугольного камня для построения гармоничного общества. Сама «гармоничная культура» выполняет двоякую функцию: она является источником креативной энергии для индивида и одновременно способствует формированию благоприятного социокультурного климата, укрепляя общественную солидарность. Онтологическим основанием развития «всестороннего гармоничного человека» становится мораль («дэ» 德).

Стратегия развития человеческого потенциала призвана развивать «гармонично развитых в моральном, интеллектуальном, физическом, эстетическом и трудовом отношении». Моральное развитие ставится на первое место.

По мнению Ван Сяоси (王小錫), развитие человеческого потенциала в КНР неразрывно связано с моралью. Общество не может существовать без морали, которая является духовной опорой и важной составляющей жизни человека. Люди взаимодействуют в обществе и несут ответственность перед ним, в социальной жизни человек должен основываться на объективном «долженствовании», воплощая ответственность и нормы морали.

Идеи Ван Сяоси перекликаются с традиционными представлениями о субъективной концепции теории морали, согласно которой природа человека изначально добра. Добро лежит в основе сущности человека и необходимо дать это сущности проявиться [3].

Мораль становится духовной производительной силой, придаёт духовный и рациональный импульс для развития социалистической рыночной экономики. Мораль как вид духовной производительной силы, реализует самосовершенствование человеческого потенциала, формирует его нравственные качества.

Моральная зрелость человека проявляется в осознании долга перед обществом, что трансформируется в трудовую этику, социальную активность и гражданскую сознательность. При этом формируется диалектическая взаимосвязь, когда на микроуровне происходит самосовершенствование человека, усиливается его креативный потенциал. Совокупность таких индивидов образует «моральный капитал» государства на макроуровне, становясь конкурентным преимуществом в глобальной экономике.

На практике такая взаимосвязь напрямую отражается в национальной политике в области образования. Лозунг «Воспитание нравственности и воспитание людей» пронизывает всю систему образования. На практике это означает интеграцию идеологического и политического образования, изучение идей Си Цзиньпина и принципов Коммунистической партии Китая во все учебные дисциплины. Цель состоит не только в подготовке квалифицированных специалистов, но и в воспитании лояльных граждан, чьи ценности совпадают с ценностями партии и государства.

Учёные О.Н. Борох и А.В. Ломанов отмечают, что рассуждения о ценностях и морали становятся преобладающими в высказываниях лидера КНР, подчеркивается важность системы «сердцевинных социалистических ценностей» и использование традиционных культурных ресурсов. Значение морали («дэ») играет самую важную роль в процветании страны и формировании каждого человека. Управление государством должно следовать принципу закона на основе морали [1]. С 2023 года было призвано развивать правильные установки, стать образцами любви к стране, вести дела при соблюдении закона, заниматься инновациями, приносить блага обществу, продолжать традиционные добродетели.

Китайская цивилизация на протяжении тысячи лет остается генератором великих идей, которые всегда лежали в основе государственной политики и жизни общества. Си Цзинпин утверждает, что ценностные установки существовали ещё в Древнем Китае, они трансформировались со временем, а их современным воплощением стали ценностные установки социализма [13].

Так концепция «Китайской мечты о великом возрождении китайской нации» служит основополагающим организующим принципом, определяющим все аспекты человеческого развития. Важно подчеркнуть, что эта концепция — не просто политический лозунг, это мощный моральный кодекс. Она устанавливает рамки, в которых индивидуальные личные и профессиональные достижения обретают социальную значимость и этическую легитимность только благодаря их вкладу в мощь нации. По мнению востоковеда И.Ю. Зуенко: «Используются инструменты идеологии, чтобы направить страну по пути, который выглядит как смесь капитализма, социализма и традиционного конфуцианства» [7].

Эта концепция представляет собой современную интерпретацию традиционной конфуцианской парадигмы, в которой коллективные интересы (семья, община, нация), безусловно, доминируют над индивидуальными устремлениями. Однако в контексте «новой эпохи» этот принцип приобретает новую идеологическую форму, и Коммунистическая партия Китая берет на себя роль верховного арбитра, определяющего содержание «общего интереса». Следовательно, граждане несут моральную

обязанность сознательно подчинять свои устремления стратегическим целям, установленным партией.

Таким образом, можно выявить взаимосвязанную систему этических требований (объективных требований) и моральных кодексов (субъективных систем ценностей), которые составляют основу стратегии по наращиванию человеческого потенциала Китая.

Содействие реализации «Китайской мечты о великом возрождении китайской нации» провозглашено высшей этической целью. Личностное и профессиональное развитие личности рассматривается как социально значимое и морально оправданное только через призму служения, когда индивидуальные интересы подчинены коллективным национальным целям, определенным КПК как верховным арбитром [3]. Мораль является необходимым условием для применения знаний и талантов. Миссия нравственного воспитания интегрирует идеологическое и политическое образование, изучение идей Си Цзиньпина, а также линии КПК, и направлена на воспитание лояльных граждан с правильными ценностями.

В условиях технологических изменений людям необходимо не только работать, но и участвовать в инновациях, чтобы обеспечить «высокий уровень научной и технологической независимости». Происходит переориентация образования и карьерного роста на стратегически передовые национальные технологии, человеческий потенциал становится во главе «новых производительных сил».

Проведенный анализ позволяет сделать выводы об особенностях стратегии державы человеческого потенциала, которая представляет собой уникальный синтез традиционных этических парадигм и современных задач государства.

Сущностное ядро стратегии составляет диалектическое единство традиции и модернизации. Категория человеческий потенциал («жэньцай»), «гармония» («хэсе»), и мораль («дэ») получают новое толкование в контексте стратегии. Традиции не отрицаются как отживший элемент прошлого, а подвергаются творческой трансформации, где мораль становится действенным ресурсом развития.

Согласно концепции «всестороннего гармоничного человека», моральное развитие предшествует интеллектуальному и физическому. Мораль обретает статус «духовной производительной силы», формирующей «моральный капитал» нации.

Тотальность и системность стратегии проявляется в образовательной политике с лозунгом «Воспитание нравственности и воспитание людей» до формирования «новых производительных сил», где технологический прогресс и инновации неотделимы от морального воспитания индивида. Однако, индивидуальная самореализация получает легитимность исключительно через служение коллективным интересам.

Таким образом, китайская модель развития человеческого потенциала предлагает альтернативу либеральному индивидуализму, делая акцент на коллективистской этике, где партия выступает в роли морального арбитра. Здесь моральные принципы (добродетель, служение обществу, справедливость и патриотизм) являются не просто ценностями, а эффективными инструментами мобилизации человеческого капитала для достижения амбициозных национальных целей. Однако, чрезмерное подчеркивание специфики китайской модели способно привести к утрате связей с мировыми стандартами и затруднить Китаю в достижении глобального влияния, но китайское руководство и научные круги уверены, что развитие человеческого потенциала с китайской спецификой является необходимым условием построения мощной державы человеческого потенциала.

Дугарова С. Б.
Стратегия развития человеческого потенциала в КНР:
этические императивы и моральные ориентиры в новой эпохе

Список литературы

1. Борох О., Ломанов А. Стратегия создания финансовой державы в идеологии КПК // Мировая экономика и международные отношения. 2025. Т. 69. №5. С. 5–19.
2. Ван Жихэ, Фан Мэйджун, Ван Цзюньфэн. Экологическая цивилизация, органическое и процессуальное мышление и будущее Китая в глобальном контексте // Экопоэзис: гуманитарные теория и практика. 2024. №5. С. 27–38.
3. Ван Сяоси. Моральный капитал. М.: Шанс, 2023. 240 с.
4. Ван Хайянь. Трансформация социальной структуры общества в современном Китае // Социологические исследования. 2006. №7. С. 50–53.
5. Галенович Ю.М. Девиз Ху Цзиньтао: социальная гармония в Китае. М.: Памятники исторической мысли, 2006. 392 с.
6. Доклад 3-го Пленума ЦК КПК 11-го созыва [Электронный ресурс] URL: <https://cpc.people.com.cn/GB/64162/64168/64563/65371/4441902.html> (дата обращения: 25.11.2025).
7. Зуенко И.Ю. Китай в эпоху Си Цзинпина. М.: АСТ, 2024. 304 с.
8. Ли Чжикуай. Обсуждения перспективы гармоничного общества и гармоничного человека // Хунаньский журнал финансов и экономики. Хунань. 2008. №24. С. 111–118.
9. Отчёт 15-го съезда КПК [Электронный ресурс] URL: <http://www.reformdata.org/1997/0912/15374.shtml> (дата обращения: 18.10.2025).
10. Официальный сайт Министерства образования КНР [Электронный ресурс] URL: http://www.moe.gov.cn/jyb_xxgk/gk_gbgg/moe_0/moe_8/moe_26/tnull_404.html (дата обращения: 18.10.2025).
11. План социально-экономического развития КНР в период 10-й пятилетки (2001–2005) [Электронный ресурс] URL: https://baike.baidu.com/item/%E3%80%8A%E4%B8%AD%E5%8D%8E%E4%BA%BA%E6%B0%91%E5%85%B1%E5%92%8C%E5%9B%BD%E5%9B%BD%E6%B0%91%E7%BB%8F%E6%B5%8E%E5%92%8C%E7%A4%BE%E4%BC%9A%E5%8F%91%E5%B1%95%E7%AC%AC%E5%8D%81%E4%B8%AA%E4%BA%94%E5%B9%B4%E8%AE%A1%E5%88%92%E7%BA%B2%E8%A6%81%E3%80%8B/12196219?fromModule=lemma_inlink (дата обращения: 05.11.2025).
12. Тянь Тянь. Что меняется, а что остается неизменным в китайской экономике. [Электронный ресурс] URL: <https://rg.ru/2024/03/18/sily-novogo-kachestva.html?ysclid=lu3u10bscb575230785> (дата обращения: 01.10.2025).

13. Чэн Ч. Теория конфуцианской личности: самосовершенствование и свободная воля в конфуцианской философии // Проблемы Дальнего Востока. 1995. №6. С.105–106.

References

1. Borokh O., Lomanov A. Strategy for creating a financial power in the ideology of the CPC. *Mirovaya ehkonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World Economy and International Relations]. 2025. Vol. 69. No. 5. Pp. 5–19.
2. Wang Zhihe, Fan Meijun, Wang Junfeng. Ecological Civilization, Organic and Processual Thinking, and China's Future in a Global Context, *Ehkopoehzis: gumanitarnye teoriya i praktika* [Ecopoiesis: Humanitarian Theory and Practice]. 2024. No. 5. Pp. 27–38.
3. Wang Xiaoxi. *Moral'nyj kapital* [Moral Capital], Moscow: Shans; 2023.
4. Wang Haiyan. Transformation of the Social Structure of Society in Modern China, *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological research]. 2006. No.7. Pp. 50–53.
5. Galenovich Yu. M. *Deviz Khu Czin'tao: social'naya garmoniya v Kitae* [Hu Jintao's motto: social harmony in China]. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli; 2006.
6. *Doklad 3-go Plenuma CK KPK 11-go sozyva* [Report of the 3rd Plenary Session of the 11th CPC Central Committee]. Available from: <https://cpc.people.com.cn/GB/64162/64168/64563/65371/4441902.html> [Accessed 25 November 2025].
7. Zuenko I.Yu. *Kitaj v ehpokhu Si Czinpina* [China in the era of Xi Jinping], Moscow: AST; 2024.
8. Li Zhikuai. Discussions on the Prospects of a Harmonious Society and a Harmonious Individual, *Hunan'skij zhurnal finansov i ehkonomiki* [Hunan Journal of Finance and Economics], 2008, No.24, pp.111–118.
9. *Otchyot 15-go s"ezda KPK* [Report of the 15th Congress of the CPC]. Available from: <http://www.reformdata.org/1997/0912/15374.shtml> [Accessed 18 October 2025].
10. *Oficial'nyj sajt Ministerstva obrazovaniya KNR* [Official website of the Ministry of Education of the People's Republic of China]. Available from: http://www.moe.gov.cn/jyb_xxgk/gk_gbgg/moe_0/moe_8/moe_26/tnull_404.html [Accessed 18 October 2025].
11. *Plan social'no-ehkonomicheskogo razvitiya KNR v period 10-j pyatiletki (2001–2005)* [Plan for the socio-economic development of the PRC during the 10th Five-Year Plan (2001-2005)]. Available from: <https://baike.baidu.com>

Дугарова С. Б.

Стратегия развития человеческого потенциала в КНР:
этические императивы и моральные ориентиры в новой эпохе

/item/%E3%80%8A%E4%B8%AD%E5%8D%8E%E4%BA%BA%E6%B0%91%E5%85%B1%E5%92%8C%E5%9B%BD%E5%9B%BD%E6%B0%91%E7%BB%8F%E6%B5%8E%E5%92%8C%E7%A4%BE%E4%BC%9A%E5%8F%91%E5%B1%95%E7%AC%AC%E5%8D%81%E4%B8%AA%E4%BA%94%E5%B9%B4%E8%AE%A1%E5%88%92%E7%BA%B2%E8%A6%81%E3%80%8B/12196219?fromModule=lemma_inlink [Accessed 5 November 2025].

12. Tian Tian. Chto menyaetsya, a chto ostaetsya neizmennym v kitajskoj ehkonomike [What's Changing and What Remains Unchanged in the Chinese Economy]. Available from: <https://rg.ru/2024/03/18/sily-novogo-kachestva.html?ysclid=lu3u10bscb575230785> [Accessed 1 October 2025].
13. Cheng Z. The Theory of Confucian Personality: Self-Cultivation and Free Will in Confucian Philosophy, Problemy Dal'nego Vostoka [Problems of the Far East.]. 1995. No.6. Pp. 105–106.

От редакции.

Представляем серию бесед со специалистами в области теоретической и прикладной этики.

Мы рады представить серию публикаций, в которых читатель может познакомиться с нашими современниками — исследователями, часть своей научной жизни посвятивших этике, и, преимущественно, прикладной этике.

Похожие проекты уже осуществлялись: в конце 2020-х опубликовал результаты своего опросника по прикладной этике и этике бизнеса В.И. Бакштановский, делали подобные работы коллеги из Сектора этики Института философии РАН.

В прошлом выпуске «Дискурсов этики» уже появилась беседа с С.С. Рудаковой, в которой она рассказала, как возник её интерес к фигуре Г.Сиджвика, и какова роль рационального обоснования морали в современной этике. Однако всю серию мы решили заявить только сейчас, когда достаточно материала собрано, и мы уверены в регулярности публикаций на 2026 год. Разумеется, мы надеемся на продолжение и будем рады видеть вас и в качестве нашего следующего собеседника!

В этом номере журнала мы даем слово коллеге из Эквадора Д. Рейес-Солису (Darwin Reyes Solís). Беседа с ним обращается к повседневной нравственности маргинальных сообществ, справедливости в отношении коренных народов и т.д. Все эти темы сохраняют актуальность сегодня.

Прикладная этика на рубеже 2000-х–2010-х гг. сформировалась как целостное направление исследований и даже стала чем-то привычным. Однако в условиях технологической и социальной трансформаций последних лет возникла, как мы полагаем, необходимость пересмотра её инструментария, а также честная рефлексия её основных принципов.

От наших собеседников и коллег мы хотим узнать, какие теоретические позиции и методологические подходы определяют современный этический дискурс. Одновременно мы стараемся держать в фокусе реальные ситуации, практические кейсы, с которыми сталкиваются эксперты-этики.

Наконец, мы руководствуемся важной частью заявленной миссии журнала: создать пространство дискурса в рамках этических дисциплин,

реинтегрировать специалистов в области этики и обеспечить доступность знаний и высоких научных и образовательных стандартов. Надеемся, у нас это получится. И мы, конечно, надеемся, что будущий исследователь найдёт в этих публикациях уникальный материал «из первых рук» о том, как и о чем размышляли этики середины 2020-х годов.

В подготовке и проведении бесед самое деятельное участие приняли магистранты направления «Прикладная этики» СПбГУ, и Редакция альманаха искренне благодарит их!

Предложения по участию в проекте направляйте, пожалуйста, на адрес электронной почты редакции: theoretical.applied.ethics.spbu@gmail.com.

Editorial Note.

Introducing a series of conversations with scholars engaged in theoretical and applied ethics.

We are pleased to present a series of publications in which we introduce readers to researchers currently working in the field of ethics, primarily applied ethics.

Our colleagues have already done similar projects. At the end of the 2020's, Vladimir Bakshanovsky published the results of his questionnaire on applied ethics and business ethics. Also the colleagues from the Sector of Ethics, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences have done similar work.

The previous issue of «Discourses on Ethics» featured a conversation with Sofya Rudakova, in which she discussed how she had become interested in Henry Sidgwick, and what is the role of rational justification of morality in ethics today. However, we are announcing the entire series now, just because enough material has been collected, so we are confident that publications will be regular in 2026. It goes without saying that we hope to continue this project, and we would be delighted to see you as our next interviewee!

In this book, we give the floor to our colleague from Ecuador, Darwin Reyes Solís. This conversation touches on everyday morality in marginalized communities, justice for indigenous peoples, and so on. All of these topics remain relevant today.

In the first decades of the 21st century, applied ethics emerged as an integral field of research and even became something of a commonplace. However, we believe that in the context of the technological and social transformations of recent years, there is a need to review its tools and to reflect honestly on its basic principles.

We want to learn from our speakers and colleagues what theoretical positions and methodological approaches define ethical discourse today. At the same time, we try to focus on real situations and practical cases encountered by experts in ethics.

Finally, we are guided by an important part of the journal's stated mission: to create a space for discourse within the field of ethics, to reintegrate specialists in various areas of ethics, and to ensure the accessibility of knowledge and high standards of research and education. We hope we will succeed in this endeavor. And we certainly hope that in these publications the future

researchers will find the unique, first-hand material about how and what ethicists in the mid-2020s were thinking about.

Master's students majoring in Applied Ethics at St. Petersburg State University took an active part in preparing and leading these discussions, so the Editorial Board of the almanac sincerely thanks them!

Please register to participate in this project by emailing the Editorial Board at: theoretical.applied.ethics.spbu@gmail.com.

Discourses of Ethics. 2025, 4(28): 33–40

ISSN 2311-570X (online)

permanent link:

http://theoreticalappliedethics.org/wp-content/uploads/2026/03/DE2025_4_28_33-40.pdf

DOI: 10.24412/2311-570X-2025-4-33-40

PRACTICAL PERSPECTIVES ON APPLIED ETHICS FROM THE ECUADORIAN EXPERIENCE: A CONVERSATION WITH DARWIN BELLINI REYES SOLÍS

received 07.11.2025

accepted 19.12.2025

published (online) 01.03.2026

© Darwin Bellini Reyes Solís

Professor of Philosophy, Salesian Polytechnic University of Ecuador, Quito, Ecuador

Correspondence to: dreyes@ups.edu.ec

© Willian Israel Acosta

MA Student, Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Correspondence to: wiliamacosta23@gmail.com

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License (CC BY-NC 4.0)

Abstract: Darwin Bellini Reyes Solís is currently a professor at the Universidad Politécnica Salesiana del Ecuador. The conversation explores the question if the Applied Ethics could be used in understanding and coping with the urgent problems of present-day society.

Keywords: Ecuador Philosophy, Applied Ethics, Universal Principles, Practical Philosophy, Everyday Life Conflicts, Indigenous People, D.B. Reyes Solís.

Profile

Darwin Bellini Reyes Solís is an Ecuadorian philosopher born in the city of Ambato, Tungurahua. He completed his Bachelor's degree in Philosophy at the Pontificia Universidad Católica del Ecuador. He earned his Master's and Doctorate in Philosophy from the Pontificia Universidad Católica de Colombia. He is currently a professor at the Universidad Politécnica Salesiana del Ecuador and also serves on the Ethics Committee of that institution. He has led several philosophical projects, both outside and within the institution where he works. His most notable works include: *"Filosofía Hoy. Un abordaje interdisciplinario de lo humano"* («The Philosophy Today. An Interdisciplinary Approach to the Human Condition»), a book in which he participated as the main Coordinator and author of the article *"Hacia un cambio cultural de la comprensión biológica de las emociones"* («Towards a cultural shift in the biological understanding of emotions»). Currently, he is a member of the Research Group on Philosophies of Language and Science (FLC) at the same university.

Outside the academic sphere, D.B. Reyes Solís has been part of indigenous movements in Ecuador, which has allowed him to have direct contact with the conflicts these communities face. For years, he has provided assistance to these movements, earning him recognition in the struggle for the rights of indigenous peoples. Furthermore, based on these experiences, he has recognized the need to *take* philosophy out of academia, seeking to move from theory to practice. With this vision, in 2018, together with other Ecuadorian philosophers, he founded the Amawtay Philosophical Center. This Philosophical Center aims to move away from the encrypted and confusing language typical of academia so that the rest of the people can have access to the tools that philosophy offers. Consequently, the members of this group have trained as philosophical consultants. Darwin Reyes has been one of the pioneers in Ecuador in what is known as *Philosophical Consultation*.

1. Tell us about yourself. How did you come to study ethics? Why did this become important to you?

My name is Darwin Reyes and I am a professor at the Universidad Politécnica Salesiana in Quito, Ecuador. All my training has been in philosophy: Bachelor's, Master's, and Doctorate. I have always been focused on the field of philosophy. I have not been interested in any other profession, even though in countries like Ecuador it is often more convenient to study other careers. I came to Ethics out of the need to respond to the social processes that countries like those in Latin America are going through.

I come from a rural background, which is why I had contact with the indigenous world from childhood. This contact led me to consider ethics for addressing more concrete problems. Along with this, I also came to ethics out of a need to respond to contemporary conflicts, such as geopolitics and economics. My personal experience has also led me to ethics: issues posed by children, students, etc. Universalist ethics is not useful for the everyday problems that both they and I faced.

2. What do you understand by the applied ethics?

I consider it to be a way of conceiving ethics. In a way, it has always been there. Applied ethics is the ethics that addresses concrete problems, which can even be controversial: as poverty, genetic manipulation, and things like that.

This discipline seems to have been strengthened by specific issues: the technological and the ecological. I believe these two axes are what have given applied ethics renewed momentum.

3. What influence did the applied ethics have on you?

It has allowed me to have a better approach and work with people, as it has helped me understand ethical-moral conflicts. It helps one manage daily conflicts in social relationships more adequately. It also leads to better decisions

in political and community actions. Because, on the contrary, with theoretical ethics there is a universal principle, but in the indigenous context, of poverty, violence, and social struggles, those universal principles are not useful. Moreover, the ethical universalism causes even more conflicts. Applied ethics for me would be putting ethics into action. Universalism is a problem of language, even of the brain. One must work in the act.

Let's take as an example the last indigenous uprising in Imbabura. How do they discuss to make decisions? If you impose a rule on them, for example "No to violence," they have no possibility of defending themselves. But if we look at the concrete problems: protesting, escaping poverty, fighting against a government that denies them access to education and health, etc., then ethics makes sense when it works on what is happening in the immediate experience. One must see ethics in actions, not in abstract and universal constructions.

4. How does the applied ethics differ from the theoretical ethics?

I have encountered this discussion when teaching Kant to my students. For me, Kant is a theory, not a practical ethics, because of how he handles the ethical concept and how he establishes a foundational principle. Theoretical ethics seeks axiomatic principles that can be defined as normative for any situation, or at least for most situations. This is definitely a deductive process. And this seems to me a fatal error, not only with ethics, but with everything human. That's why I oppose this type of philosophical conceptions.

5. Can you name some authors who present applied ethics as a separate discipline or area?

There is a very strong debate on this. You will not find philosophers who agree with this question and its possible answers. But I believe Socrates was already a practical philosopher and so were the Cynics. They had a very practical ethics. They dared to resolve conflict in the moment.

6. How would you describe the established tradition of the applied ethics?

Europe has been the one that has discussed these matters the most, not us. The Middle Ages strongly proposed the idea of a normative ethics, because as “there is a God” who is an absolute, and God is the “good,” then goodness is also an absolute for them. This type of experience absolutizes ethical norms: one must be good because God is good. Later, in Modernity, ethics tries to be turned into a kind of rational science. These issues seek an absolute ethics for humanity; that is the problem of theoretical ethics. Practice focuses on contexts, on what is given, and that’s why it varies.

For example, in political conflict or in the identity struggles of indigenous peoples here in Ecuador. It is not possible to impose a universal norm on an individual person in the differentiated contexts. It is not the same, for example, a black person from the outskirts involved with gangs in Esmeraldas, Ecuador, and a Norwegian with free education and cultural support. Neither is better or worse than the other, but their contexts make a big difference in what can be considered *good*. So the tradition of applied ethics, at least in this part of the world, is not very solid yet, due to the contexts we experience.

7. What schools of applied ethics could you mention?

Bioethics, for example, is a form of ethics applied to life. I consider that the strongest example we have of an applied ethics in philosophy. I would also refer to environmental ethics.

8. Is there any distinction between applied ethics and practical philosophy?

I believe not, they correspond to each other, they are on the same line. What applied philosophies seek is to have a philosophical field where one can work directly with people or communities. That is their quest: to be able to materialize a philosophical process. And for that, we generally use applied ethics. Because it is not possible to use a conceptual ethics to work directly with people or communities. That’s why I believe they are related; they work together.

9. What is applied ethics “applied” to?

I believe it applies to conflict in action. For example, in Ecuador, with the issue of abortion: you could have an absolute norm that says “life must be defended,” which is the norm used by the right-wing here in Latin America to prevent the legalization of abortion. But when you work with extreme peripheral populations, pregnancy is not a life-giving act, it is an act of aggression, an act of violence. When you see those peripheral extremes, the concept doesn’t work for you, the axiom doesn’t work for you. Because they are very different cases. The social structures here annihilate the lives of those pregnant women. If they are truly in defense of life, they should not prohibit the decriminalization of abortion. That is our conflict.

So, it can be applied to any specific conflict. In reality, you can take any bioethical conflict: cloning and poverty, for example. But in our case, you can go to the outskirts and ask yourself why poverty exists. There is no normative act, because a normative act would be to say “these people don’t work.” But those people are often the ones who work the hardest, even more than those who have money, and they will never be able to escape poverty due to social structures. So applied ethics allows you to see fundamental issues in action to better understand certain social processes.

10. How does applied ethics help in decision-making in real-life situations?

Applied ethics allows you to contextualize. I’ll give you another example. A 12-year-old boy from Santa Marta — that is from an impoverished sector in Ecuador, dominated by gangs and mafias, where the police do not enter, the state does not enter, no authority enters that sector. This boy, in his context — being violent towards people who are also are violent towards him — what would a universal ethics say here? That being violent is wrong? In this case, this boy has to learn to fight, to be violent, because he has no other possibility. His context teaches him to defend himself violently because he hasn’t had a structure that regulates that problem. They could even kill him, and in a way, in his context, that is everyday life.

Someone might say “those are not everyday acts,” but they don’t take into account that for many populations they are. There are interviews with child hitmen in Guatemala, Mexico, Ecuador, etc. They are 14 to 16 years old, and when asked if they think killing is wrong, they say “Yes. But I know I’m going to die in 2 or 3 years. They will kill me, but I’ll have a good time in the meantime. This is how I earn my living. If I weren’t a hitman, I wouldn’t have any money, and I would die anyway.” In those contexts, morality for judging actions becomes conflicted. And there, applied ethics has value.

11. How does applied ethics function in political and social issues?

That’s why I place conflict as the fundamental axis of ethics. Because when there is no conflict, there is no need for it. Conflict is generally not only personal; it is structural. That’s why I like to relate ethics to geopolitics. For example, when transnational corporations come and set up mining operations in the jungle, where indigenous peoples live, they generate a conflict that the inhabitants of that area did not have before. These relationships are not about “good,” but about economics, political interests, transnational interests, etc. Applied ethics helps you see the structure of those problems to understand the central conflict.

12. Please provide an example of a moral dilemma that could be studied in the field of applied ethics.

The most developed field there is bioethics. There are specific examples there. Here in Ecuador, the issue of euthanasia is generating a strong debate. As you know, more than a year ago, the constitutional court authorized a person to receive assistance for a controlled death. This sparked many conflicts and debates here about whether it is lawful or not. On the other hand, the Church, which has a lot of power in Ecuador, says it is not lawful because there is a “supreme norm”: the defense of life. Here there are two forms of ethics: the absolute — the church’s — and the applied — the contextual. The church, as it says, defends life until the last moment. They want to apply it to every case. So, if a woman has terminal bone cancer, and the pain is unbearable, the church would force her to endure that pain because “life must be defended.”

On the other hand, an applied ethics, which goes to specific cases, like the example of this woman, allows her to die with dignity and find relief from that unbearable pain she suffered.

13. Is there a strategy to anticipate conflicts?

This question is very complex, but I believe there is. But pay attention to what I say: I only believe, I am not sure. But I am convinced, and I am going to use as a utopia the fact that it is possible to prevent conflict. I will use another examples. First, the personal fact. That is, if we had some structures of care — responsible parents, affectively competent, with healthy bonds, who have taken care of themselves, — we would have people with the better psychic structures to face life. That is a form of prevention. But if we continue to have what we have had until now — abandoning parents, alcoholics, without affection, mothers without the possibility of having an internal process to take care of themselves, — conflict cannot be avoided. That society will have young people who kill each other, who commit suicide at an early age, with great imbalances. In the end, all this is inherited. Conflicts can be prevented, but humans also have that *negative* aspect that makes it impossible to sustain this in the long run. For example, in the economy: indigenous peoples don't matter, profits matter. In those cases, you already have to contextualize ethics. This is a *utopos*: a non-place to direct action, a horizon to go towards. In hermeneutics, they call it *horizons of understanding*.

ЭТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА

PROFESSIONAL
MORAL EVALUATION

[Пустая страница]

[This page intentionally left blank]

Дискурсы этики. 2025, 4(28): 43–58

ISSN 2311-570X (online)

Постоянная ссылка:

http://theoreticalappliedethics.org/wp-content/uploads/2026/03/DE2025_4_28_43-58.pdf

DOI: 10.24412/2311-570X-2025-4-43-58

УДК 17.174

«ЯНДЕКС» ПОЛУЧИЛ 42 ШТРАФА ЗА ОТКАЗ ПРЕДОСТАВИТЬ ФСБ ДОСТУП К «ЯНДЕКС ID» И «АЛИСЕ»»: ЭТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА

Игнашов А. В., Хусаинов М. Д.

статья:

поступила в редакцию 10.12.2025

принята к публикации 30.12.2025

опубликована (онлайн) 01.03.2026

© Игнашов Александр Васильевич

студент бакалавриата Санкт-Петербургской школы экономики и менеджмента
Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»,
Санкт-Петербург, Россия

адрес для корреспонденции: avignashov@edu.hse.ru

© Хусаинов Милан Дмитриевич

студент бакалавриата Санкт-Петербургской школы экономики и менеджмента
Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»,
Санкт-Петербург, Россия

адрес для корреспонденции: mdkhusainov@edu.hse.ru

Эта статья доступна в соответствии с условиями лицензии Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License (CC BY-NC 4.0)

Аннотация: Статья рассматривает кейс требования ФСБ о круглосуточном доступе к сервисам «Яндекса» (включая «умный дом», Yandex ID и др.) как объект этической экспертизы в российском правовом контексте. Цель работы — оценить допустимость и пределы такого доступа с позиций трёх нормативных рамок: теории стейкхолдеров, утилитаризма

и теории справедливости Дж. Ролза. Показано, что постоянный «сквозной» канал создаёт несоразмерный риск для приватности, доверия пользователей и равенства возможностей, формируя долгосрочный отрицательный баланс последствий для общества и бизнеса. В рамках стейкхолдерского подхода крайние решения (полный отказ/полное подчинение) признаны неустойчивыми; анализ с позиций утилитаризма фиксирует перевес долгосрочных издержек над краткосрочной стабильностью; ролзианская перспектива отвергает приоритет безопасности за счёт базовых свобод. Практический результат — набор минимально инвазивных условий допустимости доступа: исключительно адресные судебные запросы, минимизация объёма и сроков данных, «красные зоны» для домашних сервисов, двухключевая схема, неизменяемые логи, независимый аудит, прозрачная отчётность, отложенное уведомление и право на обжалование, а также sunset-клауза. Если эти гарантии не реализуемы, доступ оценивается как этически неприемлемый.

В момент написания статьи (2025г.) развивался конфликт между крупной IT-компанией и силовым ведомством из-за доступа к пользовательским данным. Федеральная служба безопасности (ФСБ) потребовала от компании «Яндекс» предоставить спецслужбам круглосуточный удалённый доступ к целому ряду цифровых сервисов. Речь идёт о доступе к информационным системам таких платформ, как «умный дом с Алисой», единая учётная запись «Яндекс ID», а также популярные сервисы «Афиша», «Яндекс.Мессенджер», «Яндекс.Маркет», «Яндекс.Недвижимость», «Яндекс.Аренда», аналитический инструмент «Яндекс.Метрика», геолокационный сервис «Локатор», облачное хранилище «Яндекс.Диск» и др.

Ключевые слова: прикладная этика, этическая экспертиза, утилитаризм, теория справедливости, приватность данных, личные данные пользователей.

Discourses of Ethics. 2025, 4(28): 43–58

ISSN 2311-570X (online)

permanent link:

http://theoreticalappliedethics.org/wp-content/uploads/2026/03/DE2025_4_28_43-58.pdf

DOI: 10.24412/2311-570X-2025-4-43-58

“YANDEX’ FINED 42 TIMES FOR DENYING FSB ACCESS TO ‘YANDEX ID’ AND ‘ALICE’”: ETHICAL ANALYSIS

Ignashov Alexander, Khusainov Milan

received 10.12.2025

accepted 30.12.2025

published (online) 01.03.2026

© Alexander V. Ignashov

BA student at the St. Petersburg School of Economics and Management, HSE University, St. Petersburg, Russia

Correspondence to: avignashov@edu.hse.ru

© Milan D. Khusainov

BA student at the St. Petersburg School of Economics and Management, HSE University, St. Petersburg, Russia

Correspondence to: mdkhusainov@edu.hse.ru

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License (CC BY-NC 4.0)

Abstract: The article examines the case of the FSB’s demand for round-the-clock access to Yandex’s services (including “Smart Home”, “Yandex ID”, etc.) as an object of ethical expertise within the Russian legal context. The aim of the work is to assess the admissibility and limits of such access from the perspectives of three normative frameworks: stakeholder theory, utilitarianism, and John Rawls’s theory of justice. It is demonstrated that a permanent “end-to-end” channel creates a disproportionate risk to privacy, user trust, and equality of opportunity, forming a long-term negative balance of consequences for society and business. Within the stakeholder approach, extreme solutions (complete refusal/complete submission) are deemed un-

sustainable; analysis from a utilitarian standpoint registers an outweighing of long-term costs over short-term stability; the Rawlsian perspective rejects prioritizing security at the expense of basic liberties. The practical outcome is a set of minimally invasive conditions for the admissibility of access: exclusively targeted court orders, minimization of data volume and retention periods, “red zones” for home services, a two-key scheme, immutable logs, independent audit, transparent reporting, delayed notification and the right to appeal, as well as a sunset clause. If these guarantees are not feasible, access is deemed ethically unacceptable.

At the time of writing the article (2025), a conflict was developing between a major IT company and a law enforcement agency over access to user data. The Federal Security Service (FSB) demanded that the company Yandex provide security services with round-the-clock remote access to a range of digital services. This concerns access to the information systems of platforms such as the “Smart Home with Alice”, the unified account “Yandex ID”, as well as popular services “Afisha”, “Yandex.Messenger”, “Yandex.Market”, “Yandex.Real Estate”, “Yandex.Rent”, the analytical tool “Yandex.Metrica”, the geolocation service “Locator”, the cloud storage “Yandex.Disk”, and others.

Keywords: Applied Ethics, Professional Ethical Analysis, Utilitarianism, Rawlsian Theory, Data Privacy, Personal Data.

Контекст

Требование ФСБ основано на действующих нормах законодательства: согласно правилам хранения и предоставления информации, утверждённым правительством в 2020 году, организаторы распространения информации (ОРИ) обязаны обеспечивать спецслужбам прямой круглосуточный доступ к своим информационным системам «Яндекс» отказался выполнить эти предписания, что привело к серии судебных разбирательств. В течение года (с середины 2024-го по лето 2025-го) московские мировые судьи (районы Хамовники и Замоскворечье) 42 раза привлекали «Яндекс» и его дочерние структуры к административной ответственности по ч. 1 ст. 19.5 КоАП РФ (невыполнение законного предписания) [6]. Каждое такое постановление предусматривало штраф в размере 10 000 рублей. Последнее из известных решений было вынесено в июне 2025 года: тогда суд оштрафовал компанию за отказ предоставить доступ к системе «умный дом» с голосовым ассистентом «Алиса». Представители «Яндекса» не присутствовали на судебных заседаниях, и на данный момент публично не сообщается, продолжают ли спецслужбы настаивать на своих требованиях [4], [5], [6].

История компании 1997–2000:

Поисковая система «Яндекс» была запущена в 1997 году Аркадием Воложем и Ильёй Сегаловичем, изначально как технология поиска с учётом морфологии русского языка. В 2000 году основана компания «Яндекс» — она официально зарегистрирована, её учредителями стали акционеры фирмы “CompTek”. В том же 2000 году фонд “ru-Net Holdings” инвестировал свыше \$5 млн, получив около 36% акций, а среди акционеров оказались топ-менеджеры и ведущие разработчики; генеральным директором стал Аркадий Волож [3].

Игнашов А. В., Хусаинов М. Д.
«Яндекс» получил 42 штрафа за отказ предоставить ФСБ
доступ к «Яндекс ID» и «Алисе»: этическая экспертиза

2011–2012:

Десятилетие 2000-х ознаменовалось стремительным ростом «Яндекса», но 2011 год стал особенно важной вехой. В мае 2011 года «Яндекс» провёл IPO на бирже NASDAQ — акции компании начали торговаться под тикером YNDX. Первичное размещение привлекло значительные инвестиции и обратило внимание мира на «Яндекс», укрепив его финансовую базу. В том же 2011 году компания активно вышла на мобильный рынок: появились мобильные приложения «Поиск», «Почта», «Яндекс.Деньги» и «Маркет», дополнившие веб-сервисы. Запущено облачное хранилище «Яндекс.Диск», предоставляющее пользователям 10 ГБ бесплатного места для хранения фото, документов, музыки и др. на разных устройствах. Мобильная линейка в том году дополнилась приложениями «Яндекс.Музыка», «Переводчик», «Яндекс.Директ» и оболочкой «Yandex Shell» для смартфонов [3].

2019–2021:

К концу 2010-х «Яндекс» вышел на рынок устройств и голосовых ассистентов. В 2019 году компания представила первую в России экосистему «Умный дом» на базе ассистента «Алиса». Теперь пользователь мог голосом управлять бытовыми приборами — от лампочек до кондиционеров — с помощью умной колонки и приложения: «Алиса» по команде включала свет, кипятила чайник, запускала робот-пылесос и пр. В следующие пару лет направление умных устройств стремительно росло. Весной 2021 года суммарные продажи колонок с «Алисой» превысили 1 миллион штук, основную долю составили флагманская «Станция» и мини-версия. Таким образом, к началу 2020-х «Яндекс» закрепился не только в софтверных сервисах, но и в аппаратных продуктах с голосовым ассистентом, конкурируя с мировыми IT-гигантами в сфере потребительских устройств [3].

2023–2025:

В 2023 году «Яндекс» сосредоточился на выпуске новых устройств и укреплении технологий. Линейку умных гаджетов пополнили колонки в новых форм-факторах: компактная «Станция Миди» с мощным звуком,

гибриды колонки и телевизора «ТВ Станция» и «ТВ Станция Про», а также умная колонка с сенсорным дисплеем «Станция Дуо Макс», которой можно управлять голосом и касаниями. Эти продукты расширили присутствие ассистента «Алиса» в повседневной жизни пользователей. В то же время компания вышла на новые рекорды по бизнес-показателям. 2024 год впервые в истории принес «Яндексу» выручку более 1 трлн руб.: годовой доход составил около 1,094 трлн руб., что на 37% выше, чем годом ранее [3].

Ценности компании

В официальных принципах компания подчёркивает пользовательскую ориентацию: сервисы должны приносить реальную пользу людям, создаваться «для себя и друзей», а не ради выручки как самоцели; при разработке учитываются локальные нормы — закон, язык, культура. Это задаёт рамку ответственности перед пользователем и обществом в целом. Ключевой блок — работа с данными. «Яндекс» заявляет, что не продаёт пользовательские данные, рассматривает раскрытие только при наличии законного запроса и лишь в необходимом объёме, а также ведёт и публикует полугодовые отчёты о поступивших обращениях государственных органов (transparency report). Эти декларации прямо соотносятся с вопросами доступа властей к данным и техническим системам компании [2]. В отношениях с государством декларируется политическая нейтральность самих сервисов и принцип равных условий: компания соблюдает законы юрисдикций, где работает, взаимодействует с государственными органами на тех же основаниях, что и с коммерческими заказчиками, не изменяет продукты «под заказ» государства и не разрабатывает технологии военного назначения. Эти позиции важны для понимания собственной «красной линии» компании в вопросах доступа и контроля. Наконец, «Яндекс» обещает прозрачность и честность: готовность к публичности внутренних решений и документов, приоритет безопасности и минимизации вреда, отказ от агрессивных или манипулятивных практик монетизации. Этот слой ценностей задаёт ожидаемые стандарты поведения в кризисных или спорных ситуациях, связанных с данными и доступом к ним [1], [2].

Игнашов А. В., Хусаинов М. Д.
«“Яндекс” получил 42 штрафа за отказ предоставить ФСБ
доступ к “Яндекс ID” и “Алисе”»: этическая экспертиза

Этический анализ

Теория справедливости Дж. Ролза:

На кону равные базовые свободы: приватность, неприкосновенность дома и равенство перед законом. Речь о требовании постоянного прямого доступа спецслужбы к цифровым сервисам компании (включая «домашние» контуры — голос, геолокацию, файлы). Теория Дж. Ролза требует представить, что правило устанавливается «вслепую» — не зная, окажемся мы пользователем с колонкой на кухне, подрядчиком, чиновником или критиком власти. Решение, принятое в такой позиции, и будет честным.

Аргументы «за»:

Постоянный доступ подаётся как средство предотвращать нанесение тяжкого вреда и защищать всех, включая уязвимых участников. Этот довод весом только при демонстрации реальной эффективности и проверяемых метрик под публичным контролем. А также единые публично объявленные правила (универсальность), формальная законность, оперативность; в идеале — меньше риск стать жертвой, больше шансов получить защиту.

Аргументы «против»:

Приоритет — у основных свобод. Постоянный прямой доступ несоразмерен: он затрагивает всех без индивидуального основания, нарушая презумпцию невмешательства и принцип наименьшего вмешательства. Наибольший удар — по наименее защищённым; возникает косвенная дискриминация по ресурсам и цифровой грамотности. «Охлаждающий эффект» (самоцензура, отказ от сервисов), риск селективного давления и ошибок подрывают равенство возможностей. Непубличный режим (без общих правил, судебного надзора, неизменяемых логов, сроков и отчётности) не проходит тест публичной оправданности: люди не могут разумно согласиться с тем, чего не видят и не могут обжаловать.

Вывод:

С позиции решения, принимаемого «за вуалью неведения», и принципа приоритета базовых свобод (в терминологии Дж. Ролза — лексического приоритета), постоянный и неограниченный доступ — несправедлив. Допустима лишь узкая, процедурная конфигурация: доступ только по конкретным судебным ордерам, с минимизацией данных и сроков, повышенными порогами для «домашних» сервисов (микрофон, геолокация), двухключевой схемой, неизменяемыми логами, внешним надзором, правом на уведомление/обжалование там, где это не вредит расследованию, и sunset-клауза с периодическим пересмотром. Если такие гарантии невозможны, справедливое решение — отказ [7], [8], [11].

Утилитаризм:

Утилитаристский взгляд требует поставки простого вопроса: какое решение даст наибольшее суммарное благо и наименьший вред — не только сейчас, но и долгосрочно. Суммарное благо и вред следует считать по четырём осям: масштаб, вероятность, длительность и охват последствий. В нашем кейсе государство апеллирует к безопасности и закону, компания — к доверию пользователей и устойчивости цифровой среды. Отсутствуют решения, не связанные с существенными издержками; возможны лишь различные конфигурации распределения пользы и ущерба.

Аргументы «за»:

В краткосрочном горизонте исполнение предписаний снижает риск эскалации: штрафов, блокировок, точечных ударов по сервисам. Пользователи не будут сталкиваться со сбоями, подрядчики не теряют заказы, экономика платформы остаётся предсказуемой. Если доступ доказуемо помогает предотвращать тяжкие преступления — с публичными метриками эффективности и контролем ошибок — общественное благо растёт. В актовом (разовом) расчёте такой шаг может выглядеть рациональным.

Игнашов А. В., Хусаинов М. Д.
«“Яндекс” получил 42 штрафа за отказ предоставить ФСБ
доступ к “Яндекс ID” и “Алисе”»: этическая экспертиза

Аргументы «против»:

Постоянный доступ к голосовым устройствам, геоданным, переписке и хранилищам создаёт охлаждающий эффект (chilling effect): жизнь «с оглядкой», самоцензура, ощущение подслушиваемого дома. Это повседневный, кумулятивный вред большого охвата и длительности. При низкой базовой частоте тяжких преступлений расширение доступа повышает долю ложных срабатываний и риск ошибочного давления на невиновных. Необратимость решения важна: открыт постоянный канал проще, чем закрыть — значит, его риски должны весить тяжелее. Помимо этого, следует учитывать упущенную выгоду (opportunity cost): инженерные и управленческие ресурсы уходят из R&D в комплаенс — это упущенная польза для миллионов. В утилитаристском анализе на уровне формирования общего институционального правила (rule utilitarianism) закрепляется прецедент «тотального доступа»: меньше свободы, меньше инноваций, больше страха — отрицательная сумма на годы вперед, включая международный разлив репутационного вреда.

Баланс:

Конфликт носит очевидный характер: краткосрочная институциональная стабильность противопоставляется долгосрочному доверию пользователей и качеству цифровой среды. Суммарная польза выше там, где вред жёстко ограничен процедурами. Этически оправданной выглядит не тотальная, а узкая и процедурная конфигурация: доступ только по конкретным законным запросам, минимизация данных и сроков, объёмные/временные лимиты, судебный контроль, двухключевая схема, неизменяемые логи, внешний аудит, прозрачная агрегированная отчётность и периодический пересмотр правила (sunset). Это не дань принципам — это снижение ожидаемого вреда, ошибок и издержек замещения.

Вывод:

В терминах концепции утилитаризма такой режим максимизирует общее благо на дистанции: меньше страха и ложных срабатываний, больше доверия и готовности пользоваться технологиями; ниже вероятность от-

раслевого дрейфа к тотальной слежке и внешнего репутационного сжатия. Краткосрочные издержки возможны, но именно они предотвращают более дорогой по человеческому счастью сценарий «всех открытых дверей». Длинная дистанция затрагивает больше людей и дольше, а значит утилитарно перевешивает краткий выигрыш от постоянного доступа [7], [10], [11].

Теория стейкхолдеров

Требование ФСБ о постоянном доступе к сервисам «Яндекса» на круглосуточной основе ставит в противоречие безопасность и право на частную жизнь. Теория стейкхолдеров предлагает смотреть на интересы всех сторон — пользователей, компании и её сотрудников/подрядчиков, государства, партнёров и общества — и искать баланс, где создаётся ценность и не возникает несоразмерный вред.

Аргументы «за»:

Постоянный технический доступ может рассматриваться как инструмент защиты от преступности и терроризма: скорость реагирования — часть общественной безопасности. Выполнение предписаний снижает риск штрафов, блокировок и иных санкций, поддерживает устойчивую работу сервисов и занятость, демонстрирует лояльность государственным институтам для части аудитории.

Аргументы «против»:

Неограниченный доступ несёт серьёзные риски приватности и подрыва доверия — ключевой опоры любых цифровых сервисов. Это ведёт к оттоку пользователей, снижению выручки и удару по подрядчикам, зависящим от стабильности заказов. Технический «канал» повышает вероятность злоупотреблений и утечек; репутационные потери затронут и внешние рынки.

Вывод:

С позиций теории стейкхолдеров крайности неустойчивы: ни полное подчинение, ни полный отказ. Этически оправдан — ограниченный, проце-

Игнашов А. В., Хусаинов М. Д.
«“Яндекс” получил 42 штрафа за отказ предоставить ФСБ
доступ к “Яндекс ID” и “Алисе”»: этическая экспертиза

дурный режим: доступ лишь в пределах закона и по адресным запросам (судебные ордера), минимизация объема и сроков данных, логирование, независимый аудит и прозрачная отчетность. Такой формат поддерживает доверие и снижает совокупный вред, сохраняя при этом инструмент законного контроля для государства [7], [9], [11].

Заключение

Постоянный и неограниченный доступ к данным даёт быструю видимость контроля, но разрушает фундамент — доверие, приватность и предсказуемые правила. В логике стейкхолдеров это несоразмерный вред большинству вовлечённых; согласно утилитаризму — долгий отрицательный баланс последствий; согласно теории справедливости — нарушение приоритета базовых свобод. Этически оправдан только узкий, строго процедурный доступ: адресные законные запросы, минимизация данных и сроков, независимый контроль и прозрачность. Если такую конфигурацию обеспечить нельзя, от постоянного канала контроля стоит отказаться.

Этические рекомендации:

Создание постоянных или «сквозных» технических каналов доступа к данным является этически недопустимым; предоставление информации возможно исключительно по судебному ордеру, в рамках конкретной цели и строго ограниченного срока. Обработка данных должна подчиняться принципу минимизации: допускается предоставление и хранение только необходимого объема информации, при этом для чувствительных категорий данных применяются сокращённые сроки хранения по умолчанию.

Для сервисов, связанных с «домашним» контуром цифровой жизни, включая голосовые данные, геолокацию и личные файлы, должен устанавливаться повышенный процессуальный порог, предполагающий исключительно судебный порядок санкционирования, узкий объем доступа и краткосрочный характер вмешательства. Все операции доступа подлежат обязательному логированию, регулярной проверке правомер-

ности и пропорциональности, а также независимому аудиту с публикацией краткого агрегированного резюме результатов.

В целях институциональной прозрачности компания должна публиковать агрегированную статистику о количестве запросов, доле удовлетворённых и отклонённых обращений, категориях запрашиваемых данных, сроках и правовых основаниях доступа. В случаях, когда это не наносит ущерба расследованиям, пользователи должны получать отложенные уведомления о фактах доступа к их данным и иметь возможность воспользоваться понятной процедурой обжалования [7], [8], [9], [10], [11].

Список литературы

1. Yandex. Code of Business Ethics & Conduct [Электронный ресурс]. URL: <https://yandex.com/company/rules/code> (дата обращения: 01.12.2025).
2. Yandex. Values [Электронный ресурс]. URL: <https://yandex.com/company/values> (дата обращения: 01.12.2025).
3. Yandex. Company overview [Электронный ресурс]. URL: <https://yandex.com/company/> (дата обращения: 01.12.2025).
4. «Яндекс» получил 42 штрафа за отказ предоставить ФСБ доступ к «Яндекс ID» и «Алисе» // klerk.ru [Электронный ресурс]. URL: <https://www.klerk.ru/buh/news/659705/> (дата обращения: 01.12.2025).
5. «Яндекс» оштрафовали за передачу ФСБ доступа к умному дому с «Алисой» // РБК [Электронный ресурс]. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/28/08/2025/68b03c569a79476bbda e8b19 (дата обращения: 01.12.2025).
6. КоАП РФ ст. 19.5 [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 01.12.2025).
7. Council Implementing Regulation (EU) 2022/427 of 15 March 2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cssf.lu/en/Document/council-implementing-regulation-eu-2022-427-of-15-march-2022/> (дата обращения: 01.12.2025).

Игнашов А. В., Хусаинов М. Д.
«Яндекс» получил 42 штрафа за отказ предоставить ФСБ
доступ к «Яндекс ID» и «Алисе»: этическая экспертиза

8. Official Journal of the European Union [Электронный ресурс]. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=OJ:L:2022:153:FULL> (дата обращения: 01.12.2025).
9. Yandex CEO resigns after being hit by EU sanctions // Reuters [Электронный ресурс]. URL: <https://www.reuters.com/world/europe/yandex-ceo-resigns-after-being-hit-by-eu-sanctions-2022-06-03/> (дата обращения: 01.12.2025).
10. Yandex Head Quits After Surprise EU Sanctions // The Moscow Times [Электронный ресурс]. URL: <https://www.themoscowtimes.com/2022/03/16/yandex-head-quits-after-surprise-eu-sanctions-a76952> (дата обращения: 01.12.2025).
11. Europe Lifts Sanctions on Yandex Cofounder Arkady Volozh // WIRED [Электронный ресурс]. URL: <https://www.wired.com/story/arkady-volozh-eu-sanctions-lifted/> (дата обращения: 01.12.2025).
12. Responsible business conduct // OECD MNE Guidelines [Электронный ресурс]. URL: <https://www.oecd.org/corporate/mne/> (дата обращения: 01.12.2025).
13. Ролз Дж. Теория справедливости. М.: Издательство ЛКИ, 2010. 536 с.
14. Freeman R. Strategic Management: A Stakeholder Approach. Cambridge University Press, 2010. 276 p.
15. Милль Дж. Утилитаризм. Ростов-на-Дону: Донской издательский дом, 2013. 240 с.
16. Курс НИУ ВШЭ «Этика бизнеса и устойчивое развитие» [Электронный ресурс]. URL: <https://edu.hse.ru/course/view.php?id=241985> (дата обращения: 01.12.2025).
17. The Most Expensive Companies of the Runet – 2022 // Forbes [Электронный ресурс]. URL: <https://www.forbes.ru/rating/457317-samye-dorogie-kompanii-runeta-2022-rejting-forbes> (дата обращения: 01.12.2025).

References

1. Yandex. Code of Business Ethics & Conduct [Internet]. Yandex. Available from: <https://yandex.com/company/rules/code> [Accessed 1st December 2025].
2. Yandex. Values [Internet]. Yandex. Available from: <https://yandex.com/company/values> [Accessed 1st December 2025].
3. Yandex. Company overview [Internet]. Yandex. Available from: <https://yandex.com/company/> [Accessed 1st December 2025].
4. Klerk. 42 fines [Internet]. 2025 Aug 28. Available from: <https://www.klerk.ru/buh/news/659705/> [Accessed 1st December 2025].
5. RBC. Fine for “smart home”. Available from: https://www.rbc.ru/technology_and_media/28/08/2025/68b03c569a79476bbdae8b19 [Accessed 1st December 2025].
6. Code of Administrative Offences of the Russian Federation, Article 19.5 [Internet]. Consultant.ru. Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ [Accessed 1st December 2025].
7. Council Implementing Regulation (EU) 2022/427 of 15 March 2022 [Internet]. cssf.lu; 2022 Mar 15. Available from: <https://www.cssf.lu/en/Document/council-implementing-regulation-eu-2022-427-of-15-march-2022/> [Accessed 1st December 2025].
8. Official Journal of the European Union [Internet]. Eur-Lex.europa.eu; 2022. Available from: <https://eur-lex.europa.eu/legalcontent/EN/TXT/HTML/?uri=OJ:L:2022:153:FULL> [Accessed 1st December 2025].
9. Reuters. Yandex CEO resigns after being hit by EU sanctions [Internet]. 2022 Jun 3. Available from: <https://www.reuters.com/world/europe/yandex-ceo-resigns-after-being-hit-by-eu-sanctions-2022-06-03/> [Accessed 1st December 2025].
10. The Moscow Times. Yandex Head Quits After Surprise EU Sanctions [Internet]. 2022 Mar 16. Available from: <https://www.themoscowtimes.com/2022/03/16/yandex-head-quits-after-surprise-eu-sanctions-a76952> [Accessed 1st December 2025].
11. WIRED. Europe Lifts Sanctions on Yandex Cofounder Arkady Volozh [Internet]. Available from: <https://www.wired.com/story/arkady-volozh-eu-sanctions-lifted/> [Accessed 1st December 2025].
12. OECD. Responsible business conduct. OECD Guidelines for Multinational Enterprises [Internet]. OECD. Available from: <https://www.oecd.org/corporate/mne/> [Accessed 1st December 2025].
13. Rawls J. *Teoriā spravedlivosti* [Theory of Justice]. Moscow: LKI; 2010.

Игнашов А. В., Хусаинов М. Д.
«“Яндекс” получил 42 штрафа за отказ предоставить ФСБ
доступ к “Яндекс ID” и “Алисе”»: этическая экспертиза

14. Freeman R. Strategic Management: A Stakeholder Approach. Cambridge University Press; 1984.
15. Mill J. Utilitarizm [Utilitarianism], Rostov-on-Don: Don Publishing House, 2013.
16. Kurs NIU VShĖ “Ėtika biznesa i ustoĭchivoe razvitie” [HSE University. Course “Business Ethics and Sustainable Development”]. [Internet]. HSE. Available from: <https://edu.hse.ru/course/view.php?id=241985> [Accessed 1st December 2025].
17. Forbes. The Most Expensive Companies of the Runet – 2022. Rating Forbes [Internet]. 2022. Available from: <https://www.forbes.ru/rating/457317-samyedrogie-kompanii-runeta-2022-rejting-forbes> [Accessed 1st December 2025].

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

REVIEWS

[Пустая страница]

[This page intentionally left blank]

Дискурсы этики. 2025, 4(28): 61–86

ISSN 2311-570X (online)

Постоянная ссылка:

http://theoreticalappliedethics.org/wp-content/uploads/2026/03/DE2025_4_28_61-86.pdf

DOI: 10.24412/2311-570X-2025-4-61-86

УДК 17

«ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ И ПРИКЛАДНАЯ ЭТИКА: ТРАДИЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ — 2025»

Обзор XVII Международной научной конференции,
Санкт-Петербургский университет, 20–22 ноября 2025 г.

Перов В. Ю., Перова Н. В., Артамонов Д. С., Беялетдинов Р. Р.,
Романова И. К., Тебякина Е. Е., Тихонова С. В., Углева А. В.,
Шапиро О. А.

текст опубликован (онлайн) 01.03.2026

© Перов Вадим Юрьевич, к.ф.н., доцент кафедры этики Института философии Санкт-Петербургского государственного университета, адрес для корреспонденции: vadimperov@gmail.com. Перова Нина Вадимовна, аспирант Института Философии РАН. Артамонов Денис Сергеевич, д.ф.н., заведующий кафедрой методики обучения истории и обществознанию Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского. Беялетдинов Роман Рифатович, к.ф.н., старший научный сотрудник сектора гуманитарных экспертиз и биоэтики Института философии РАН. Романова Ирина Константиновна, к.ф.н., старший преподаватель Военной академии материально-технического обеспечения. Тебякина Елена Евгеньевна, к.ф.н., доцент кафедры военно-политической работы в войсках (силах) Военной академии материально-технического обеспечения. Тихонова Софья Владимировна, д.ф.н., д.ю.н., профессор кафедры теоретической и социально философии Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского. Углева Анастасия Валерьевна, Ph.D., к.ф.н., профессор Школы философии и культурологии ФГН, ведущий научный сотрудник Лаборатории критической теории культуры НИУ ВШЭ. Шапиро Ольга Александровна, к.ф.н., доцент кафедры сравнительных политических исследований СЗИУ РАНХиГС

Эта статья доступна в соответствии с условиями лицензии Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License (CC BY-NC 4.0)

Discourses of Ethics. 2025, 4(28): 61–86

ISSN 2311-570X (online)

permanent link:

http://theoreticalappliedethics.org/wp-content/uploads/2026/03/DE2025_4_28_61-86.pdf

DOI: 10.24412/2311-570X-2025-4-61-86

«THEORETICAL AND APPLIED ETHICS:
TRADITIONS AND PROSPECTS — 2025»

Review of the 17th International Conference,

Saint Petersburg University, Russia, November 20–22, 2025

Perov Vadim, Perova Nina, Artamonov Denis, Belyaletdinov Roman,
Romanova Irina, Tebiakina Elena, Tikhonova Sophia, Ugleva Anastasia,
Shapiro Olga

published (online) 01.03.2026

© Perov Vadim, Perova Nina, Artamonov Denis, Belyaletdinov Roman,
Romanova Irina, Tebiakina Elena, Tikhonova Sophia, Ugleva Anastasia, Shapiro Olga

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License (CC BY-NC 4.0)

Вашему вниманию предлагается обзор некоторых круглых столов, которые проходили в рамках традиционной XVII Международной конференции «Теоретическая и прикладная этика: традиции и перспективы — 2025. Нравственный прогресс: уроки прошлого и вызовы настоящего», прошедшей в Санкт-Петербургском государственном университете 20–22 ноября 2025 г.

В качестве общих вступительных замечаний хотелось бы отметить следующее. С одной стороны, сама практика написания обзоров может показаться несколько устаревшей. Действительно, широкое распространение технологий на основе Систем Искусственного Интеллекта (СИИ), особенно с использованием нейросетей, вроде бы делает процесс написания и публикации текстов в виде обзоров, рефератов и т.п. если не бессмысленным, то по крайней мере избыточным. С другой стороны, те же технологические трансформации прямо или косвенно способствуют смещению акцентов в значимости той или активности в научной деятельности. Позволю выказать предположение, что активное использование технологий на основе СИИ в публикационной деятельности постепенно будет способствовать повышению важности участия в конференциях в оценке деятельности учёных. В этом же контексте особую важность приобретают и обзоры секций и круглых столов, поскольку в них есть возможность отразить не только то, что опубликовано в материалах конференций, но и то, что было представлено в выступлениях и дискуссиях и осталось «за кадром» публикаций.

Ниже можно ознакомиться с обзорами следующих круглых столов: «Академическая этика. Гуманитарные науки и образование в эпоху искусственного интеллекта», «Проблема ответственности в биоэтике: автономия и необходимость», «Мемориальная этика: к 80-летию Великой Победы», «Этические аспекты исторической памяти о войне (от войн Древности до наших дней)», «Этические императивы исторической памяти в военном кинематографе», «Логика и аргументация в морали»,

«Теоретическая и прикладная этика: традиции и перспективы — 2025»
Обзор XVII Международной научной конференции,
Санкт-Петербургский государственный университет
20–22 ноября 2025 г.

«Биоэтика & ИИ: от декларации принципов к методологии этической экспертизы».

Тезисы Конференции опубликованы: XVII Международная конференция «Теоретическая и прикладная этика: традиции и перспективы — 2025. Нравственный прогресс: уроки прошлого и вызовы настоящего». Санкт-Петербургский государственный университет, 20–22 ноября 2025 г. Материалы конференции. СПб.: Издательско-полиграфическая ассоциация высших учебных заведений, 2025. 464 с. ISBN 978-5-91155-494-1.

Конференция посвящается 80-й годовщине Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.

«Академическая этика. Гуманитарные науки
и образование в эпоху искусственного интеллекта»
Обзор круглого стола

Руководитель круглого стола: Углева А.В.

Круглый стол был посвящен трансформации понимания академическим сообществом ключевых этических требований, принципов и норм, которые определяют сам этос науки и образования, в связи с активным внедрением технологий ИИ. На круглом столе было сделано 7 докладов, часть из которых была представлена онлайн, а дискуссия состоялась в смешанном формате.

Дискуссия началась с выступления д.ю.н., профессора СПбГУ Архипова Владислава Владимировича на тему «*Самостоятельность и академическая добросовестность в эпоху генеративного ИИ: опыт разработки проекта концепции СПбГУ*». ИИ, по утверждению Архипова В.В., — новый инструмент обработки информации, который не отменяет фундаментальных академических ценностей: самостоятельности, добросовестности и уважения к интеллектуальной собственности. Задача прагматического определения границ самостоятельности требует от пользователя способности объяснить логику и источники своей работы. Допустимо использовать ИИ для вспомогательных функций и анализа данных, но не для прямой проверки навыков, требующих исключительной самостоятельности. При реализации подобных задач всякое использование ИИ, по мнению Архипова В.В., требует прозрачности и декларирования. Поэтому ключевая задача локального нормативного регулирования внедрения ИИ-технологий в образовательный и исследовательский процесс состоит в том, чтобы адаптировать уже действующие правила под инструментальные возможности ИИ как помощника, не подменяя интеллектуальную ответственность человека как носителя, транслятора и источника нового знания.

В продолжение дискуссии об ответственности выступила Пирожкова Софья Владиславовна — к.ф.н., старший научный сотрудник Института философии РАН с докладом на тему «*Участие искусственного интеллекта в научных исследованиях: этические аспекты*». Классическая

научная этика XX века оспаривала этическую нейтральность науки, фокусируясь на ответственности учёного за последствия совершаемых открытий. Однако под влиянием широко используемых в научной исследовательской практике непрозрачных алгоритмов ИИ затрудняется верификация результатов и ослабляется персональную ответственность ученого за истинность производимого знания. Это ведет, по мнению Пирожковой С.В., к отчуждению человека от исследовательской практики, выхолащиванию гуманистического содержания науки, что делает особенно актуальным формирование «новой» академической этики, в которой, несмотря на спорное авторство, прерогатива принятия решений все же должна оставаться за человеком.

Тему авторства продолжил в своем докладе Разин Александр Владимирович — д.ф.н., профессор, заведующий кафедрой философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова на тему *«Генеративный искусственный интеллект и проблема авторства»*. Разин А.В. указал на то, что ИИ обладает лишь квази-творческими способностями. Ключевой вопрос, по его мнению, заключается в правовом статусе произведения или его фрагментов, созданных с использованием нейросетей, при том, что традиционное понимание творчества связывается исключительно с человеческой личностью. Разин А.В. отметил отсутствие единой международной юридической практики в регулировании данного вопроса и предложил в качестве решения расширение методологического раздела интеллектуального произведения (дипломная работа, научная статья и проч.) с обязательной рефлексией об использовании ИИ-инструментов и акцентирование внимания на преемственности с предыдущими работами автора, что служит гарантией, по его мнению, подлинного авторского вклада. В образовательном контексте Разин А.В. предлагает не запрещать, а институционализировать использование нейросетей в квалификационных работах через обязательное документирование и критический анализ их вклада в конечный результат, что трансформирует, но не упраздняет роль авторского начала.

Трансформирующиеся научно-исследовательские и образовательные практики в связи с активным внедрением ИИ приводят к формированию новой коммуникативной реальности. Ей был посвящен доклад Погоди-

ной Натальи Николаевны — младшего научного сотрудника философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова на тему *«Концепция “искусственной коммуникации” в приложении к системе науки: этические и эпистемологические контраверзы»*. Доклад сделан по результатам исследования, выполненного в рамках государственного задания МГУ имени М.В. Ломоносова. Автором была подчеркнута большая роль ИИ в том числе в исследованиях современной науки, связанная с производством и распространением знаний, что порождает комплекс этических и эпистемологических проблем. Для их анализа, по убеждению Погожиной Н.Н., необходим системный взгляд, который может обеспечить социальная теория, способная описать коммуникативные связи науки с другими общественными подсистемами. Системно-коммуникативный анализ позволяет осмыслить фундаментальные последствия внедрения ИИ, рассматривая его как нечеловеческого агента в коммуникации. Ключевым инструментом для этого служит концепция «искусственной коммуникации» Е. Эспозито. В которой фокус смещается с вопроса о «сознании» ИИ на анализ сущности и функционирования ИИ внутри социальной системы науки.

Попова Евгения Владимировна — к.п.н., доцент, заведующая кафедрой в НИУ Томский государственный университет — сделала доклад о *«Внедрении технологий искусственного интеллекта в гуманитарные исследования: этические и институциональные вопросы на примере кейсов двух научных групп»*. В нем были представлены результаты исследования, проведенного в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект No FSWM-2024-0008. Автор сфокусировала внимание на ИИ как основном исследовательском инструменте, что проблематизирует, по ее мнению, его роль в качестве «пограничного объекта», связывающего научную практику с внешними дискурсами. Ключевые вопросы, поставленные в докладе, связаны с определением источников и инициаторов внедрения ИИ в исследовательскую практику, с реконфигурацией организации труда и трансформирующейся коммуникацией внутри коллектива, а также способами обоснования применения ИИ в целях оптимизации и достижения наибольшей эффективности исследовательского процесса. Эмпирическую базу исследования составляют интервью с представителями научных групп, чьи разночтения в

определении и оценке ИИ дополнительно раскрывают его как «ускользающий объект», конструируемый в практике.

Чирва Дарья Викторовна — преподаватель, руководитель модуля «Мышление» Университета ИТМО, научный сотрудник НИУ ВШЭ сделала доклад на тему *«Новая нормативность в условиях ИИ-обусловленной реконфигурации субъекта познания»*, в котором были представлены результаты исследовательского проекта «Человек в цифровой среде: инклюзивные и адаптивные стратегии культуры, биополитика и биосемантика» (ФИ-2025-74), выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2025 году. В своем докладе Чирва Д.В. указала на то, что внедрение ИИ в образование ставит под сомнение традиционные представления об автономном субъекте познания и академической этике. ИИ — не просто инструмент, а активный соучастник, способствующий формированию новой конфигурации «человек-ИИ» и новый тип эпистемической агентности. Следствием этого становится задача разработки новой нормативности, основанной на прозрачности, распределенной ответственности и рефлексивности. При этом живое человеческое общение остаётся необходимым условием выработки новых смыслов и приобретения морального опыта. Гуманитарная наука переживает новый расцвет как пространство осмысления этих радикальных изменений.

В продолжение дискуссии Углева Анастасия Валерьевна — к.ф.н., PhD, профессор ФГН, ведущий научный сотрудник ЛКТК НИУ ВШЭ сделала доклад, посвященный *«Эпистемологическим и феноменологическим аспектам использования систем искусственного интеллекта в науке»*, в котором указала на то, что стремление человека активно интегрировать в свою деятельность интеллектуальные машины, способные несопоставимой с человеческой скоростью анализировать данные и выдавать быстрые решения, поставило его перед вопросами об их роли в исследовательской логике, влиянии ИИ на результат и развитие самого человека. Возникающие при этом риски получения недостоверных данных и принятия непрозрачных решений, снижение творческих способностей исследователя и размывание его ответственности, требуют

выработки концепции управляемого синтеза человека и машины и необходимости практических измерений и экспериментов для ее реализации.

В заключение круглого стола модератор Углева А.В. рассказала о разработанном в рамках деятельности Комиссии по реализации Кодекса этики в сфере ИИ документе — Кодексе этики в сфере ИИ для образования и приложении к нему — «Этическом светофоре», которые содержат не только основополагающие этические принципы в качестве ориентиров при внедрении ИИ-технологий в образовательную практику, но и конкретные рекомендации по разработке локальных нормативных документов.

«Проблема ответственности в биоэтике:
автономия и необходимость»
Обзор круглого стола

Руководитель круглого стола: Беялетдинов Р.Р.

Трансформация представлений об ответственности в медицине привела к отказу от преимущественно корпоративного характера ответственности и сформировало модель автономии как формы распределенной ответственности. Она стала неотъемлемой чертой реализации принципа личной автономии. В связи с развитием новых биомедицинских технологий и систем искусственного интеллекта, находящих широкое применение в медицинской практике, проблема соотношения ответственности и автономии приобрела ключевое значение в философских биоэтических исследованиях. В рамках работы круглого стола были представлены доклады, предлагающие постановку и решения проблемы ответственности в современной философии и биоэтике.

Постановка проблемы ответственности в биоэтике была представлена в открывающем круглый стол докладе старшего научного сотрудника Института философии РАН, к.ф.н. Романа Рифатовича Беялетдинова *«Искусственный интеллект и интерсубъективность как основание принципа наилучших интересов»* (грант РНФ «Проблема субъ-

ектности в биоэтике: философско-практический анализ», номер проекта 24-28-01604).

Было показано, что в биоэтике искусственный интеллект решает давнюю задачу — построение системы принятия решений, максимально приближенной к формализованной и объективной процедуре. Вместе с тем проблематизируется значение коммуникации человека с человеком как гарантии не только обмена информацией, но и прямого взаимодействия субъектов, формирующих intersubъективное пространство, которое является основанием принципа автономии и содержательным наполнением принципа наилучших интересов.

Экзистенциальное бытие человеком дает возможность переживать и бытие другого intersubъективно через собственное переживание, и это же обстоятельство является условием, лежащим в основании оправданности автономного действия даже в том случае, когда оно выглядит контринтуитивно и необъективно. Искусственный интеллект выключен из intersubъективности переживания, однако будучи включен в качестве аналитического инструмента в медицинскую практику, оказывает влияние на формирование представлений о наилучших интересах. В результате понимание ответственности перестает опираться на традиционную модель intersubъективности, разработанную и развивавшуюся в биоэтике ранее и получает новое обоснование в интерпретации ИИ, верную статистически, но не воспринимаемую на уровне сопереживания, что создает потенциал для появления спорных решений, предлагаемых ИИ при определении наилучших интересов.

Следующий доклад *«Психотерапевтические ИИ-чат боты: автономия и проблемы автономии»* был прочитан Софьей Всеволодовой Лаврентьевой, младшим научным сотрудником сектора гуманитарных экспертиз и биоэтики Института философии РАН (грант РНФ «Проблема субъектности в биоэтике: философско-практический анализ», номер проекта 24-28-01604). Нарративные медицинские практики приводят к развитию нового феномена онлайн-медицины — чат-ботов, работающих на основе искусственного интеллекта (ИИ чат-боты). Общение в терапев-

тических чат-ботах может показаться адекватной заменой нарративной практики очных психотерапевтических сессий. Однако предоставляемое ИИ чат-ботам свобода конструировать автонарратив в процессе реальной коммуникации согласуется с методами психотерапии, нацеленными на изменение автобиографического нарратива. Такое взаимодействие трансформирует переписку с чат-ботами в эмоциональный объект, но регулирование хранения таких объектов затруднительно: даже при удалении переписки данные могут сохраняться как цифровой след в самых разных формах (например, архивах). Хранение информации о личных переживаниях является дополнительной сложностью и может препятствовать целям терапии.

Доклад доцента д.ф.н., заведующий кафедрой философии ФГБОУ ВО НГМУ Минздрава России, профессора ИФПР СО РАН Эвелины Владимировны Барбашиной «*Нарративная этика в медицине*» был посвящен нарративным исследованиям. Нарратив формирует смысловое поле, заново воссоздавая связь между событиями прошлого и их актуальным переживанием ради терапевтических целей настоящего. Однако единое понимание не сложилось относительно существенных признаков нарратива. Во-первых, это уникальные и влияющее на повседневность и настоящего события. Во-вторых, делается акцент на специфичности категории времени, а именно на расхождении между временной последовательностью, относящейся к прошлому и временем нарратива, в котором прошлое выстраивается в соответствии с актуальным настоящим. Наконец, интерсубъективность определяется как присутствие слушателя. И, последнее, этическая целостность нарратива, позволяющая представить нарратив как совокупность этических ориентиров и должностное действие действий.

Нарратив востребован в случае поиска альтернатив биомедицинскому пониманию болезни. Пациент, как человек, стремится поступать «правильно», и в случае невозможности реализации этого стремления, нарратив «пересобирает» опыт прошлого. Таким образом, построение нарратива связано с реализацией принципа автономии вне зависимости от обстоятельств и позволяет следовать необходимости этических установок на уровне нарратива, сохраняя тем самым целостность субъекта.

Тема выступления к.ф.н., старшего научного сотрудника Института философии РАН Антипова Алексея Владимировича «*Понимание автономии в контексте паллиативной помощи*» (при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 24-28-01604 «Проблема субъектности в биоэтике: философско-практический анализ») было посвящено вопросам реализации принципа уважения автономии при оказании паллиативной помощи. Было отмечено, что уважение автономии в паллиативной помощи включает в себя баланс объективных целей, личных предпочтений больного, уважение его прав и интересов семьи и общества. В контексте паллиатива было предложено рассматривать принцип автономии в виде сети взаимоотношений. В этой модели решения учитывают не только личные интересы, но и их влияние на близких и общество.

Доклад к.ф.н., доцента кафедры философии и биоэтики Ксении Игоревны Заболотских ФГБОУ ВО УГМУ Минздрава России «*Автономия пациента и особенности ее реализации в уязвимых группах*» был посвящен применению принципа автономии для разграничения прав и обязанностей врача и пациента. Было отмечено, что целью информирования является помощь пациента в лечении за счет понимания важной информации, касающейся его здоровья. Информированное согласие, таким образом, обеспечивает достижение взаимопонимания между врачом и пациентом. Однако не всегда это взаимопонимание возможно, поэтому применяется статус уязвимых групп пациентов, которые по причине ограничений не могут принимать автономные решения. Автономия продолжает применяться и для недееспособных пациентов, но уже исходя из принципа их наилучших интересов. Докладчик приходит к выводу, что биоэтика регулирует специфику действия принципа автономии исходя из доминанты свободных субъектов, но не в меньшей степени ориентирована на достижение наилучшего блага.

Доклад к.ф.н., доцента кафедры философской антропологии и истории философии Института философии человека РГПУ им. А.И. Герцена Ксении Александровны Куксо «*Долг диететики как новое применение*

разума: от Канта к интегративной медицине и педагогике» (Исследование выполнено за счет внутреннего гранта РГПУ им. А.И. Герцена (проект № 91—ВГ) был сфокусирован на анализе связи идей диететики И. Канта и центральных подходов в медицине и педагогике, развивающих субъективность в опыте терапии и обучения. В «Антропологии с прагматической точки зрения» и «Споре факультетов» Кант рассматривает субъективность в качестве источника хорошего самочувствия. Для Канта самостоятельность в поддержании хорошего физического и психического здоровья и диететические меры являются долгом разума. В докладе было показано, каким образом ответственность субъекта может быть связана с опытом старости, хроническими заболеваниями, и что ответственность может быть перенесена на врача и, в некоторых случаях, на педагога.

К.м.н., старший научный сотрудник Институт философии РАН Михаил Анатольевич Пронин прочитал доклад *«Философия как экспертиза: нравственный прогресс и цифровая трансформация — виртуальный подход»*. Основной тезис доклада состоит в том, что этика должны стать фактором производства и потребления в мире цифровой трансформации. Для этого взаимодействие потоков технологических и потоков нравственного прогресса необходимо мыслить как интерактивную среду: согласно концепции виртуалистики виртуальность описывается через категориальную пару: порождающий (константный) — виртуальный (порождённый) и именно такая методология необходима для описания феноменов цифроизации.

Младший научный сотрудник сектора гуманитарных экспертиз и биоэтики Институт философии РАН, аспирантка кафедры этики философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова Анастасия Валерьевна Туркова прочитала доклад на тему *«Автономия между мотивацией и ответственностью в донорстве костного мозга»* (Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект No 23-18-00400).

Мотивация вступления в регистр доноров костного мозга основывается на внутренней моральной позиции, в которой сочетается социально закрепленная ответственность и патерналистская традиция медицинских

институтов. Донорство костного мозга состоит из несколько этапов, каждый из которых можно рассматривать как этическую дилемму. Потенциальный донор оказывает вовлечен в ситуацию ответственности за другого: пациент-реципиент, прошедший этап интенсивной химиотерапии находится в полной зависимости от своего донора, в силу того обстоятельства, что вероятный отказ от донорства может привести к гибели реципиента.

Был предложен анализа донорства костного мозга через выделение иерархии ответственности: моральная ответственность на основе рефлексии, социальная ответственность на основании институциональной нормы. Между тем последнее слово остается за автономией выбора, гарантирующей подлинность мотивации, превращая донорство не в принуждение, а в осознанно принятый личный поступок.

«Мемориальная этика: к 80-летию Великой Победы» Обзор круглого стола

Руководители круглого стола:
Артамонов Д.С., Тихонова С.В.

Круглый стол проходил 21.11.2025 г. в рамках исследования по проекту РНФ № 25-28-01261 «Семейная память о Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. в современной медиасреде».

Круглый стол, посвященный мемориальной этике, была выстроена вокруг анализа трансформаций исторической памяти о Великой Победе 1945 г. в условиях цифровизации, медиатизации и усиления символических конфликтов вокруг прошлого. В представленных докладах мемориальная этика рассматривалась не как абстрактная нормативная теория, а как динамичное поле социально-философской рефлексии, тесно связанное с медиапрактиками, эмоциональными режимами памяти,

визуальной культурой и технологиями конструирования исторических нарративов.

Концептуальный каркас секции был задан докладом Д.С. Артамонова, в котором мемориальная этика была определена как система нормативных принципов, регулирующих обращение общества с прошлым в условиях цифровой медиасреды. Докладчик показал, что в эпоху постправды память перестает быть нейтральным архивом и превращается в пространство политических и символических столкновений, где исторические образы используются для легитимации актуальных идентичностей и властных позиций. Особое внимание было уделено ответственности медиапрактик, формирующих эмоционально насыщенные и зачастую мифологизированные версии прошлого, а также проблеме границ допустимой интерпретации и манипуляции историческим знанием.

Тема эмоционального измерения мемориальной этики получила развитие в докладе С.В. Тихоновой, предложившей концепцию эмоциональной аксиологии памяти. В ее интерпретации эмоции выступают не вторичными по отношению к ценностям, а структурообразующими элементами мемориальных практик. Через аффективные переживания, такие как скорбь, гордость, гнев, чувство утраты, формируется коллективная солидарность и происходит сакрализация травматических событий. В условиях постправды, как подчеркнула автор, возникает феномен «эмоциональной достоверности», при котором доверие к тем или иным версиям прошлого определяется силой эмоционального отклика, а не фактологической точностью, что радикально усложняет задачи мемориальной этики.

Ряд докладов был посвящен анализу конкретных медиальных форм репрезентации памяти. А.А. Дыдров рассмотрел тему войны в современной российской поп-музыке, показав, что популярные музыкальные нарративы о войне часто утрачивают историческую конкретику, смещаясь в сторону экзистенциальных или меметических форм. В результате память о войне оказывается либо эмоционально обобщенной, либо иронически деконструированной, что ставит под вопрос ее этическую и воспитательную функцию.

Сходная проблематика визуальной медиатизации памяти была затронута в докладе А.А. Целыковского, посвященном современному российскому кинематографу. Автор показал, что кино в условиях медиатизации становится ключевым инструментом формирования массовых представлений о войне, где этика репрезентации подвига и травмы напрямую связана с балансом между художественной выразительностью, исторической ответственностью и рисками эстетизации насилия.

Особый блок круглого стола был связан с цифровыми и интерактивными форматами памяти. В докладе А.А. Мамедова видеоигры были осмыслены как специфическая форма коммеморативных практик, в которых геймификация истории может как способствовать сохранению памяти, так и приводить к ее редукции до набора игровых механик. Аналогичную проблематику, но в прикладном и социально-политическом контексте, развили Д.А. Федотов и Д.А. Мальцева, проанализировав геймификацию как инструмент формирования исторической памяти молодежи на примере военно-исторических фестивалей.

Тема цифровых технологий получила и этико-методологическое осмысление в докладе К.Е. Резвушкина, посвященном цифровой реставрации фотоартефактов периода Великой Отечественной войны. Автор показал, что ИИ-реставрация и визуальная «актуализация» архивных изображений способны сократить дистанцию между современным зрителем и историческим событием, однако одновременно порождают новые этические риски, связанные с границами допустимого вмешательства в документальные свидетельства прошлого.

Особое место в выступлениях на круглом столе занял доклад С.А. Резвушкиной, посвященный мемориальной этике в условиях когнитивных войн. Автор считает память о Победе ключевым элементом российской цивилизационной идентичности в ситуации, когда историческое прошлое становится объектом целенаправленных информационно-когнитивных воздействий. В отличие от классических форм идеологического противостояния, когнитивные войны направлены не столько на подмену интерпретаций, сколько на подрыв доверия к самим основаниям истори-

ческого знания и к механизмам трансляции памяти. В этих условиях мемориальная этика, по мысли автора, приобретает регулятивную и защитную функцию. Речь идет не о жесткой канонизации прошлого, а о формировании этических критериев, позволяющих отличать критическое осмысление истории от манипулятивной деконструкции, размывающей коллективную идентичность. Память о Победе осмысливается как ценностный фундамент, обеспечивающий преемственность поколений и символическое единство общества. Значимым аспектом доклада является акцент на цивилизационном измерении мемориальной этики. Атаки на память о Великой Отечественной войне затрагивают базовые ценности, такие как справедливость, жертвенность, героизм, историческую ответственность, и выступают формой этического давления, направленного на пересборку смыслов настоящего. В этом контексте мемориальная этика предстает как инструмент удержания нормативных границ допустимого в публичных интерпретациях прошлого.

Ряд докладов был ориентирован на анализ институциональных и культурных контекстов памяти. М.В. Марина обратилась к идейно-содержательным особенностям современных музейных экспозиций, посвященных Великой Отечественной войне, подчеркнув напряжение между образовательной, мемориальной и экспозиционно-зрелищной логикой. Е.Г. Миляева рассмотрела проблему коммодификации памяти, показав, как бренды и коммерческие практики включаются в конструирование нарративов о Победе, трансформируя мемориальную этику в поле символического потребления.

Историко-культурное измерение мемориальной этики было представлено в докладе В.Ю. Михайлина и Г.А. Беляевой, где анализировалась советская культура как пространство перехода от элитарных форм репрезентации памяти к массовым механизмам ее конструирования. Этот анализ позволил выявить истоки современных мемориальных практик и их связь с институциональными моделями прошлого. В философском ключе проблему утраты сакральных оснований памяти развил А.А. Корниевский, показав, что десакрализация исторической памяти в процессе ее формирования чревата превращением памяти в инструмент управляемой символической политики.

Наконец, в докладе А.В. Овчинникова проблема мемориальной этики была рассмотрена через призму деконструкции социального мифа. Автор показал, что критическое разоблачение мифологических структур памяти само по себе требует этических оснований, поскольку разрушение коллективных нарративов может приводить как к освобождению исторического сознания, так и к утрате идентификационных опор.

В целом круглый стол продемонстрировал, что мемориальная этика в современном гуманитарном знании формируется как междисциплинарное и проблемно-насыщенное поле, объединяющее философию, медиаисследования, культурологию и социальную теорию. Представленные доклады показали, что в условиях цифровой эпохи историческая память становится не только объектом исследования, но и пространством этической ответственности, где от способов репрезентации прошлого напрямую зависят формы коллективной идентичности, солидарности и социального диалога.

«Этические аспекты исторической памяти о войне
(от войн Древности до наших дней)»,
«Этические императивы исторической памяти
в военном кинематографе»
Обзор круглых столов.

Руководители круглых столов:
Тебякина Е.Е., Романова И.К.

Круглые столы по обсуждению военно-этической тематики проводятся Военной академией материально-технического обеспечения имени генерала армии А.В. Хрулёва (ВА МТО) совместно с Институтом философии Санкт-Петербургского государственного университета уже четвёртый год подряд (начиная с 2021 года) и становятся механизмом, поз-

воляющим создать мостик взаимопонимания между военным и гражданским обществом по вопросам этических аспектов войны и воинской деятельности. В этом году интерес исследователей и тематика конференции были посвящены осмыслению исторического прогресса и возможности извлечения нравственных уроков из опыта прошлого. Поэтому в этом году, круглые столы, представленные ВА МТО были посвящены вопросам этических аспектов исторической памяти о войнах и нравственным аспектам военного кинематографа.

В первый день конференции преподаватели ВА МТО обсуждали вопросы, связанный с моральной и даже экономической стоимостью и возможностью использования денежного механизма для привлечения союзников по политической борьбе и моральном итоге этого феномена, рассуждали о роле отцы-командира и патерналистских основаниях армейской жизни, а также поднимали вопросы о том, насколько заботливым должен быть командир и не приведёт ли излишняя заботливость к дезорганизации армейских структур. Завершающим докладом послужило исследование о нравственных практиках реанимации памяти о Первой Мировой войне, этических и идеологических подоплёках забвения этой военной компании и возрождения памяти о ней. Все доклады вызвали бурное обсуждение, но, к сожалению, часть сообщений, заявленных на конференции, была представлена только в стендовом варианте.

Второй день работы круглых столов был посвящён обсуждению интерпретации исторических нарративов в рамках военного кинематографа. К работе над этим круглым столом были привлечены как военные, так и гражданские специалисты. Наиболее жаркую полемику вызвали доклады Говорунова Александра Васильевича на тему: «*Этика и теология Творца и творения (фильм Алекса Гарленда «Из машины» (2014))*» и Литвинского Вячеслава Михайловича «*Времена не выбирают. Размышления о фильме Сергея Бондарчука «Судьба человека»*». Преподавателей ВА МТО интересовали вопросы об этических аспектах формирования исторической памяти в военном кинематографе, равнодушии и серой морали в рамках современного общества и культур, отражённые в современном кинематографе, а также невозможности и потенциальной опасности подобных нравственных установок в военной среде. Курсан-

тов же академии, принимавших участие в работе круглого стола, как будущих офицеров, руководителей и педагогов, волновали вопросы о воспитательном потенциале военного кинематографа и возможности его использования в воспитательных и досуговых практиках военнослужащих, а также справедливого морального воздаяния забытым героям прошлых войн посредством символических кинематографических практик. Практически все доклады, заявленные на круглый стол, были представлены в «живом» виде.

По завершении работы круглых столов участники выразили взаимную благодарность за прошедшие дискуссии и возможность обсуждения моральных вопросов, касающихся воинской деятельности, как со стороны военных, так и гражданских специалистов.

«Логика и аргументация в морали» Обзор круглого стола

Руководители круглого стола:
Шапиро О.А., Лисанюк Е.Н.

Круглый стол «Логика и аргументация в морали» состоялся 21 ноября 2025 года. В ходе работы круглого стола было представлено 7 докладов (все — очно); в завершение состоялась общая дискуссия. Обсуждаемая тематика была довольно широка — от символической логики до теории аргументации, от классической традиции античной философии до исследований в области искусственного интеллекта.

Открыла работу круглого стола магистрант Европейского университета в Санкт-Петербурге Марьяна Дмитриевна Варфоломеева докладом «*Зачем нужна похвала? Эпидейктика Аристотеля как формирование «эндоксии» для практической аргументации*». Задав классический тон всей дискуссии, Марьяна Дмитриевна предложила в качестве цели

эпидейктической речи рассматривать создание и укрепление фундамента общих ценностей, системы координат, необходимой аудитории для дальнейшего перехода к практической аргументации, формируя базис и саму возможность общественного консенсуса в публичной дискуссии.

К рассмотрению остро актуальных проблем современности в своем докладе обратилась студентка Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации Анна Викторовна Василевская, выступив на тему *«ИИ в количественном исследовании: проверка устойчивости к манипуляциям и искажениям фактов»*. Анна Викторовна представила эмпирическое исследование, целью которого являлась проверка того, действительно ли генеративный искусственный интеллект при анализе больших дата-сетов будет выдавать более точные и объективные результаты, нежели эксперты, или же он может быть также ангажирован и подвержен манипулятивному воздействию как целенаправленно сформированного идеологизированного запроса, так и информации, содержащейся в свободном доступе. Результаты оказались не слишком оптимистичными: большая часть нейросетей способна пренебрегать точностью данных ради подкрепления «идеологически верных» гипотез, а также закрывать глаза на явные противоречия в предлагаемых цифрах ради получения правдоподобного результата.

Объединив классическую античную традицию с современными исследованиями в области аргументативного поведения искусственного интеллекта, выступила кандидат философских наук, доцент СЗИУ РАНХиГС Ольга Александровна Шапиро с докладом *«Коммуникативные траектории самопознания: к чему нас ведет «Цифровой Сократ»?»*, подготовленном совместно с доктором философских наук, доцентом Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского Олегом Викторовичем Зарапиным. Исследователи предложили топологическое эмпирическое аргументативное исследование, основанное на реконструкции диалогов Платона в коммуникации с имитирующей личность Сократа нейросетью, в ходе которого был выявлен так называемый дефект децентрации самопознания, включающий в себя 3 компонента, назван-

ных авторами «предупредительная мера», «дефицит точности» и «недостаток устойчивости».

Доктор философских наук, старший научный сотрудник Института философии Российской академии наук Елена Николаевна Лисанюк продолжила тенденцию пространственных метафор в сфере теории аргументации в своем докладе *«Нравственный довод в поле аргументации»*. Елена Николаевна обратилась к реконструкции важного, но плохо изученного тулминовского понятия «поля аргументации», связанного с принадлежностью аргументов к одному логическому типу. Она обратила внимание на то, что в нравственных доводах поддержка и заключение обычно относятся к разным логическим типам, поскольку к различным типам относятся моральные нормы и факты, что затрудняет формальную оценку всей структуры.

Студент Казанского федерального университета Марк Зенонович Сташевски сделал сообщение *«Моральные дилеммы и аргумент от компаньонов вины»*. В своем докладе он продемонстрировал специфический довод в пользу того, что разведение контекстов или уточнение условий должностования x и y в моральных дилеммах не приводят к их разрешению или устранению, поскольку в этом случае они снимали бы с когнитивного агента ответственность и следовательно делали бы невозможным переживание им чувства вины за несоблюдение двух несовместимых обязательств; поскольку чувство вины все же имеет место, моральные дилеммы, как заключает Марк Зенонович, вполне реальны и не могут быть разрешены простым спекулятивным образом.

Доктор философских наук, профессор Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации Никита Игоревич Фатиев обратился к богатому инструментарию символической логики, сделав сообщение на тему *«Модально онтологические доказательства: ценностный аспект»*. В его основу легла реконструкция онтологического доказательства бытия Бога Ансельма Кентерберийского, которую Никита Игоревич провел в системе S-5, проанализировал с точки зре-

ния оценки исходных посылок и предложил свою интерпретацию классических способов критики этой аргументации.

Кандидат философских наук, доцент Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге Богдан Владимирович Фауль сделал доклад на тему «*Ретрибутивные эмоции и ретрибутивные интуиции*» на основании исследования, выполненного при поддержке гранта РФФИ №25-18-00208. В докладе речь шла о том, могут ли быть базироваться моральные суждения и убеждения на внерациональных основаниях, таких как эмоции, чувство гнева etc., подробно были проанализированы сильные и слабые стороны различных позиций по этому вопросу.

«Биоэтика & ИИ: от декларации принципов к методологии этической экспертизы» Обзор круглого стола

Руководители круглого стола:
Углева А.В., Воробьев А.П.

Круглый стол был посвящен работе биоэтических комитетов, реализующих экспертизу в сфере медицины и тем вызовам, перед которыми они оказались в связи с активным внедрением ИИ-технологий в медицину и в систему здравоохранения. Междисциплинарный состав участников — философов, инженеров-разработчиков, врачей — позволил реализовать конструктивный диалог в ходе обсуждения 5 докладов в смешанном формате.

Круглый стол начался с доклада Брызгалиной Елены Владимировны — к.ф.н., доцента, заведующей кафедрой философского факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова на тему «*Вызовы технологий искусственного интеллекта для этической экспертизы исследований живых систем*». В нем было отмечено, что ИИ стал неотъемлемой частью современной науки, особенно в биомеди-

цине, где он используется для диагностики, прогнозирования и автоматизации задач. 76% исследователей уже применяют ИИ на всех этапах своей работы. Однако широкое внедрение ИИ порождает серьёзные этические вызовы, требующие пересмотра существующих норм. Ключевые проблемы на этом пути: прозрачность и интерпретируемость данных, риски «взлома доказательств», академической недобросовестности и использования сфабрикованных данных, защита конфиденциальных биомедицинских данных, сложность оценки надёжности ИИ в условиях этико-правовых ограничений на эксперименты, неравный доступ к технологиям ИИ, что создаёт разрыв между научными сообществами разных стран. По убеждению Брызгалиной Е.В., необходим диалог для разработки новых этических регулятивов и кодексов с целью гармонизации традиционных биоэтических принципов с требованиями новой технологической реальности и обеспечения качества, справедливости и доверия к науке.

О необходимости такого диалога говорила в своем докладе и Вольская Елена Алексеевна — к.и.н., советник директора Национального научно-исследовательского института общественного здоровья имени Н.А. Семашко, председатель Независимого междисциплинарного комитета по этической экспертизе клинических исследований и Межвузовского комитета по этике. В своем докладе на тему *«Особенности этической экспертизы клинических исследований медицинских изделий, использующих системы искусственного интеллекта»* Вольская Е.А. обратила внимание на конкретные трудности, с которыми столкнулись этические комитеты с внедрением ИИ и рассказала о существующих практиках решения возникающих в том числе этических дилемм. Акцент ею был сделан на риск-ориентированном подходе.

В продолжение дискуссии выступил Воробьев Андрей Павлович — к.м.н., президент Ньюдиамед Групп, который сделал доклад *«Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта в медицине и здравоохранении»*, разработанный в 2024 г. в рамках деятельности Комиссии по реализации Кодекса этики в сфере ИИ. Как руководитель соответствующей рабочей

группы, он поделился своим видением этических конфликтов, с которыми столкнулась медицина и система здравоохранения в связи с внедрением ИИ в процессы организации и администрирования, в клинические исследования, в рамках трансляционных исследований и в конкретной клинической практике врача.

О необходимости пересмотра теоретических оснований этической экспертизы в связи с внедрением ИИ говорила Карпова Елизавета Александровна — аспирантка НИУ «Высшая школа экономики» в своем докладе *«Современная этическая экспертиза в здравоохранении — вызовы и решения»*. Здравоохранение переживает технологическую революцию (генное редактирование, ИИ, телемедицина), которая меняет представления о теле, здоровье и автономии. Это требует, по мнению Карповой Е.А., пересмотра традиционных биоэтических принципов, таких как польза, автономия и доверие. Классическая модель этической экспертизы, основанная на анализе пользы и вреда, уже не справляется с новыми вызовами. Поэтому необходима новая, многомерная парадигма экспертизы, объединяющая нормативный, делиберативный и герменевтический подходы. Её цель — сохранить гуманистические основы медицины через междисциплинарный диалог и принцип уважения к уязвимости.

В завершение дискуссии выступили Ковальчук Сергей Валерьевич — к.т.н., доцент факультета технологий искусственного интеллекта Университет ИТМО и Кубряк Олег Витальевич — к.м.н., Национальный исследовательский университет «МЭИ» с докладом на тему *«Проблема выравнивания моделей искусственного интеллекта в задачах профессионального принятия решений»*, подготовленным в рамках проекта «Интеллектуальные технологии поддержки принятия решений на основе моделирования и контроля взаимодействия человек-искусственный интеллект», грант Российского научного фонда №24-11-00272. Проблема выравнивания ИИ традиционно связана с объективной корректностью и этичностью рекомендаций системы. В контексте поддержки профессиональных решений она расширяется до субъективного соответствия ожиданиям и ценностям человека, принимающего решения. Критически важным становится, по мнению докладчиков, двунаправленное и многомас-

«Теоретическая и прикладная этика: традиции и перспективы — 2025»
Обзор XVII Международной научной конференции,
Санкт-Петербургский государственный университет
20–22 ноября 2025 г.

штабное взаимодействие, при котором адаптируются и ИИ, и специалист. Это требует переосмысления ролей, где человек выступает носителем ценностей, а целью становится поддержание баланса между доверием и критичностью. Таким образом, проблема трансформируется в комплексную задачу проектирования взаимодействия человека и ИИ.

ПЕРЕВОДЫ

TRANSLATIONS

[Пустая страница]

[This page intentionally left blank]

Дискурсы этики. 2025, 4(28): 89–121

ISSN 2311-570X (online)

Постоянная ссылка:

http://theoreticalappliedethics.org/wp-content/uploads/2026/03/DE2025_4_28_89-121.pdf

DOI: 10.24412/2311-570X-2025-4-89-121

УДК 17

УОЛЦЕР М.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ДЕЙСТВИЕ: ПРОБЛЕМА ГРЯЗНЫХ РУК

пер. с англ. Васильев А. В.

статья:

поступила в редакцию 19.11.2025

принята к публикации 09.12.2025

опубликована (онлайн) 01.03.2026

© Michael Walzer 1973, Philosophy & Public Affairs

Перевод на русский язык выполнен с исследовательскими целями,
коммерческое использование не допускается:

Васильев Андрей Витальевич

аспирант сектора этики, Институт философии РАН, Москва, Россия

адрес для корреспонденции: andrei.vslv01@gmail.com

*Текст перевода на русский язык доступен в соответствии с условиями лицензии
Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License (CC BY-NC 4.0)*

Аннотация: Читателю представляется перевод статьи, оказавшей значительное влияние на развитие современной политической этики. Статья посвящена анализу ситуации, в рамках которой человек вынужден осуществлять трагический выбор между соблюдением морального принципа и необходимостью совершения политического действия ради избежания надвигающейся беды. Перевод на русский язык — А.В. Васильева.

Ключевые слова: политическая этика, политическое действие, моральная дилемма, проблема грязных рук, конфликт индивидуальных и общественных ценностей, вина и ответственность в политике.

Discourses of Ethics. 2025, 4(28): 89–121

ISSN 2311-570X (online)

permanent link:

http://theoreticalappliedethics.org/wp-content/uploads/2026/03/DE2025_4_28_89-121.pdf

DOI: 10.24412/2311-570X-2025-4-89-121

MICHAEL WALZER

POLITICAL ACTION: THE PROBLEM OF DIRTY HANDS

English into Russian Translation by Vasilev Andrei

received 19.11.2025

accepted 09.12.2025

published (online) 01.03.2026

© Michael Walzer 1973, Philosophy & Public Affairs

The translation into Russian done for the purpose of research, no commercial use:

Andrei V. Vasilev

Postgraduate at the Department of Ethics, RAS Institute of Philosophy, Moscow, Russia

Correspondence to: andrei.vslv01@gmail.com

The text of the translation into Russian is licensed under a Creative Commons Attribution-Non-Commercial 4.0 International License (CC BY-NC 4.0)

Abstract: We offer the translation of the article that has exerted a significant influence on the development of contemporary political ethics. The article examines a situation in which an individual is compelled to make a tragic choice between adherence to a moral principle and the necessity of political action in order to avert an impending disaster. Translation into Russian by Andrei Vasilev.

Keywords: Political Ethics, Political Action, Moral Dilemma, The Problem of Dirty Hands, Conflict between Individual and Collective Values, Guilt and Responsibility in Politics and Policy.

Предисловие переводчика

Статья, опубликованная Майклом Уолцером в 1973 году, по праву считается одним из ключевых текстов современной политической этики. В этом сравнительно небольшом эссе М. Уолцеру удается предельно точно сформулировать вопросы, не утратившие ни теоретической значимости, ни практической остроты спустя более чем 70 лет: (1) как политик может запачкать руки, делая то, что ему следует делать? и (2) каким образом мы должны проследить за тем, чтобы он заплатил цену за грязные руки, если сам этот процесс неизбежно влечет за собой необходимость заплатить цену и нам самим?

Проблема грязных рук, согласно М. Уолцеру, возникает между двумя трудно соотносимыми сферами — моралью и политикой. В то время как политика зачастую полагается на расчеты, мораль, главным образом в ее абсолютистском выражении, игнорирует драматичность контекста, в рамках которого принимается тяжелое решение. Однако, благодаря этому зазору, происходит формирование фигуры ответственного политика — политика, нарушающего определенный моральный запрет, но при этом осознающего и принимающего вину за ужасность совершаемого зла.

Отдельного внимания заслуживает позиция самого М. Уолцера. В ходе повествования читатель знакомится с рядом мысленных экспериментов и примеров из художественной и политико-философской литературы, в которых с разной степенью трагичности разворачивается проблема грязных рук. Среди них: попытка лидера подпольного сопротивления заключить сделку с властью, лояльной оккупационному режиму; отдача политиком приказа о применении пыток к лидеру повстанцев ради получения информации о взрывных устройствах, заложенных в густонаселенном районе; борьба революционеров с деспотичной властью в лице аристократии; размышления Никколо Макиавелли о природе власти и способах ее приобретения и удержания и т.д. При этом приводимые примеры не позволяют однозначно определить нормативную позицию М. Уолцера.

Он дистанцируется как от морального абсолютизма, не стремящегося понять специфику некоторых сюжетов политической сферы, так и от утилитаристских оснований, обыденное обращение к которым приводит к откровенному политическому цинизму, снимающему с политических акторов всякую ответственность.

Тем не менее, несмотря на отказ от крайних позиций в интерпретации политических процессов, в рассуждениях М. Уолцера можно выделить несколько ключевых пунктов, позволяющих прояснить его подход к ситуациям, обусловленным радикальной неопределенностью, дефицитом времени для принятия решения и неминуемой угрозой. Во-первых, нарушение морального запрета не снимает с политического актора вины. Именно сохранение чувства вины, выражающегося в готовности раскаяться и искупить ее, служит, согласно М. Уолцеру, свидетельством «...как того, что он (политик) не слишком хорош для политики, так и того, что он достаточно хорош для нее». Во-вторых, нахождение политика в состоянии вынужденности не превращает совершаемое им зло в благо. Скорее, речь идет о пояснении, почему зло было совершено. В-третьих, «пачканье рук» не должно восприниматься как обыденная практика: допустимость грязных рук ситуативна и трагична, но не систематична и инструментальна.

Наконец, кратко обратимся к рецепции работ М. Уолцера в русскоязычном пространстве. Следует отметить, что значительная часть его работ до настоящего времени остается непереуведенной на русский язык (к примеру, по-прежнему остается недоступной для русскоязычного читателя его фундаментальная монография о теории справедливой войны — *Just and Unjust Wars*). Данное обстоятельство затрудняет всестороннее знакомство как с теоретическим наследием М. Уолцера, так и с тем накопившемся за несколько десятилетий корпусом релевантной научной литературы, благодаря которому осмысление проблемы грязных рук обрело новые, порой, неожиданные направления. Учитывая все это, целью перевода является попытка ликвидировать образовавшийся пробел, сделать более доступным подход, анализирующий политику без утопизма, но одновременно не отказывающийся от моральной рефлексии.

В заключении переводчик выражает искреннюю благодарность кандидату философских наук, старшему преподавателю Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» Глебовой Софье Валерьевне за поддержку идеи перевода настоящей статьи на русский язык, а также за уделенное на содержательные консультации время. Высказанные Софьей Валерьевной замечания и предложения в значительной степени способствовали улучшению стилистики и уточнению используемой в тексте терминологии. Однако ответственность за любые неточности и спорные переводческие решения лежит полностью на переводчике.

Майкл Уолцер
Политическое действие: проблема грязных рук¹

В одном из предыдущих выпусков *Philosophy & Public Affairs* (здесь и далее курсив М. Уолцера. — *A.B.*) появились материалы симпозиума о правилах ведения войны, который на самом деле (или, по крайней мере, в большей степени) был симпозиумом по другой теме². В действительности темой было то, может ли человек когда-либо столкнуться — или даже вынужден столкнуться — с моральной дилеммой: ситуацией, в которой он должен выбрать между двумя вариантами действия, оба из которых для него были бы неправильно совершить. Томас Нагель (Thomas Nagel) встревоженно высказал мнение, что это может случиться и случается всякий раз, когда кого-то заставляют выбирать между соблюдением важного морального принципа и избеганием надвигающейся беды³. Р.Б. Брандт (R.B. Brandt) утверждал, что это вообще невозможно, так как существуют руководства, которым мы можем следовать, и расчеты, которые мы можем провести, и которые неизбежно приведут к выводу о том, что один из двух вариантов действия правильно совершить в данных обстоятельствах (или что не имеет значения, какое из них мы совершим). Р.М. Хэар (R.M. Hare) напомнил, что бывает так, что кто-то может полагать, что столкнулся с моральной дилеммой: он предположил, что иногда,

¹ Ранняя версия этой статьи была прочитана на ежегодной встрече в рамках конференции по изучению политической мысли в Нью-Йорке в апреле 1971 года. Я в долгу перед Чарльзом Тейлором (Charles Taylor), который выступал тогда в качестве комментатора и вселил в меня уверенность, что приведенные аргументы могут быть верны.

² *Philosophy & Public Affairs* 1, no. 2 (Winter 1971/72): Thomas Nagel, "War and Massacre," pp. 123-144; R.B. Brandt, "Utilitarianism and the Rules of War," pp. 145-165; и R.M. Hare, "Rules of War and Moral Reasoning," pp. 166-181.

³ Описание нагелевского возможного "морального тупика" ("moral blind alley") смотрите в статье "War and Massacre", pp. 142-144. Бернард Уильямс сделал похожее предположение, хотя и не вполне признавая его как свое собственное: «многие люди могут признать мысль, что определенный вариант действия в самом деле является наилучшим в целом в данных обстоятельствах, но его совершение включает в себя совершение чего-то неправильного» (*Morality: An Introduction to Ethics* [New York, 1972], p. 93).

предписания (precepts) и принципы обычного человека — результаты его морального воспитания — вступают в конфликт с требованиями (injunctions), выработанными на более высоком уровне морального дискурса. Но этот конфликт разрешается — или его следует разрешить — на более высоком уровне; реальной дилеммы не существует.

Я не уверен, что объяснение Хэара хоть сколько-нибудь утешительно, но этот вопрос важен, даже если такое объяснение невозможно, — пожалуй, особенно важен именно в таком случае. Этот аргумент касается не только согласованности и гармонии морального универсума (the moral universe), но также относительной легкости или трудности — или невозможности — ведения нравственной жизни. Следовательно, этот вопрос не является сугубо философским. Если такая дилемма может возникнуть, будь то часто или крайне редко, любой из нас может однажды столкнуться с ней. Действительно, многие люди столкнулись с ней — или думают, что столкнулись, — особенно люди, вовлеченные в политическую деятельность или военные действия. Эта дилемма, в точности как ее описывает Нагель, часто обсуждается в литературе о политическом действии: в романах и пьесах про политику, а также в работах теоретиков.

В нынешние времена эта дилемма предстает чаще всего как проблема "грязных рук", и ее типичную формулировку дал в одноименной пьесе Сартра коммунистический лидер Хедерер: «У меня руки грязные. Грязные по локоть. В дерьме и крови. А ты думал, можно руководить и не запачкаться?» ("I have dirty hands right up to the elbows. I've plunged them in filth and blood. Do you think you can govern innocently?")⁴. Мой собственный ответ — нет, я не считаю, что мог бы руководить и не запачкаться; и большинство из нас не верит, что те, кто руководят нами, невиновны, — как я покажу ниже, — даже лучшие из них. Но это не означает, что, руководя, невозможно поступать правильно. Это означает, что конкретное действие руководства (в политической партии или государстве) может быть в точности правильным с утилитаристской точки зрения и все же оставлять

⁴ Jean-Paul Sartre, *Dirty Hands, in No Exit and Three Other Plays*, trans. Lionel Abel (New York, n.d.), p. 224 [Сартр Ж.-П. Грязными руками // Грязными руками: Пьесы / Жан-Поль Сартр; пер. с фр. Л. Каменской. Харьков: Фолио; М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ», 1999. С. 282].

человека, который его совершает, виновным в аморальном поступке. Невиновный человек впоследствии уже не является невиновным. С другой стороны, если он остается невиновным, то есть выбирает “абсолютистскую” сторону дилеммы Нагеля, он не только не поступает правильно (с утилитаристской точки зрения), он также может не соответствовать обязанностям своей должности (которая возлагает на него немалую ответственность за последствия и исходы). Чаще всего, конечно, политические лидеры принимают утилитаристский расчет; они стараются соответствовать ему. Можно было бы сделать ряд сардонических замечаний по поводу этого факта, самым очевидным из которых является то, что, по расчетам, которые они обычно производят, они демонстрируют великие достоинства “абсолютистской” позиции. Тем не менее мы бы не хотели, чтобы нами руководили люди, которые последовательно придерживаются этой позиции.

Понятие грязных рук проистекает из попытки отказаться от “абсолютизма”, не отрицая реальность моральной дилеммы. Хотя это может показаться философам-утилитаристам нагромождением одной путаницы на другую, я предлагаю отнестись к этому очень серьезно. Ибо литература, которую я буду рассматривать, — это работы серьезных и зачастую мудрых людей, и она отражает популярное представление о политике, хотя, может быть, также способствовала его формированию. Важно обратить внимание и на это тоже. Я сделаю так, не предполагая, как допускает Хзар, что повседневный моральный и политический дискурс являет собой особый уровень аргументации, где содержание в значительной степени определяется педагогической целесообразностью⁵. Если популярные взгляды устойчивы к утилитаризму (а это действительно так), может быть, из этого можно чему-то научиться, а не всего-навсего что-то объяснить.

⁵ Hare, “Rules of War and Moral Reasoning,” pp. 173–178, особенно p. 174: «простые принципы деонтолога...занимают свое место на уровне формирования характера (моральное воспитание и самовоспитание)».

Итак, позвольте мне начать с одной конвенциональной мудрости (a piece of conventional wisdom), основной смысл которой в том, что политики гораздо хуже, морально хуже, чем все остальные (это и есть мудрость всех остальных). Не одобряя ее и не притворяясь, будто в нее не верю, я собираюсь разъяснить эту конвенцию. Ибо конвенция предполагает, что дилемма грязных рук — это центральная черта политической жизни, что она возникает не только как случайный кризис в карьере того или иного невезучего политика, а систематически и часто.

Почему выделяют именно политика? Разве он не такой же, как другие предприниматели в открытом обществе, которые мошенничают, лгут, интригуют, носят маски, улыбаются и являются злодеями? Он не такой, без сомнения, по множеству причин, три из которых мне нужно рассмотреть. Во-первых, политик заявляет, что играет иную роль, нежели другие предприниматели. Он не только обслуживает наши интересы, но и представляет их, даже действует от нашего имени. У него в голове есть цели, дела и проекты, которые требуют поддержки и способствуют благу не каждого из нас в отдельности, а всех нас вместе. Он мошенничает, лжет и интригует *для нас* — или так он заявляет. Возможно, он прав — или, по крайней мере, искренен, — но мы подозреваем, что он также действует для себя. Действительно, он не может служить нам, не служа себе, ибо успех приносит ему власть и славу — величайшие награды, которые люди могут получить от своих ближних. Конкуренция за власть и славу жестока; риски часто велики, но соблазны еще значительнее. Каждый поддался бы. Почему же нашим представителям следует действовать иначе? Даже если бы они хотели действовать иначе, они, вероятно, не могут, ибо другие люди запросто готовы мошенничать и лгать ради власти и славы, и именно эти другие люди задают условия конкуренции. Мошенничество и ложь необходимы, потому что власть и слава столь желаемы, — то есть желанны столь многими. Таким образом, люди, которые действуют для нас и от нашего имени, неизбежно являются мошенниками и лжецами.

Политиков также считают хуже всех остальных, потому что они управляют нами, а удовольствие от управления значительно сильнее, чем удовольствие от того, что тобой управляют. Успешный политик становится

видимым архитектором (the visible architect) наших ограничений. Он облагает нас налогами, лицензирует, запрещает и разрешает, направляет к той или иной отдаленной цели — все ради нашего высшего блага. Более того, он идет на риск ради нашего высшего блага, подвергая нас — или некоторых из нас — опасности. Иногда он тоже подвергает себя опасности, но политика, в конце концов, — это его приключение. Оно не всегда наше. Несомненно, бывают ситуации, когда управлять делами других людей и подвергать их опасности правильно или необходимо. Но нас немного пугает человек, который ищет власти по обыкновению и изо дня в день, чтобы поступать таким образом. И этот страх вполне обоснован. Политик обладает — или делает вид, что обладает, — своего рода уверенностью в собственном суждении, которую все остальные сочли бы у любого другого человека самонадеянной.

Самонадеянность особенно велика, поскольку победивший политик применяет насилие и угрозу насилия не только против других стран (foreign nations) ради нашей защиты, но также против нас — и снова якобы ради нашего высшего блага. Эта мысль подчеркнута, и, вероятно, чрезмерно, Максом Вебером в его эссе «Политика как призвание и профессия»⁶. Насколько я могу судить, это не сыграло явной или очевидной роли в развитии той конвенции, которую я рассматриваю. Устойчивый образ — лживый, а не кровожадный политик, хотя убийца скрывается на заднем плане, появляясь чаще всего в виде революционера или террориста, и очень редко — как обычное должностное лицо (magistrate) или чиновник. Тем не менее та власть, к которой стремятся политики, та власть, которую они хотят иметь в распоряжении, на самом деле предполагает огромный размах чиновничьего насилия в истории человечества — и это может указывать на корни нашей полусознательной неприязни и беспокойства. Люди, которые действуют для нас и от нашего имени,

⁶ В *From Max Weber: Essays in Sociology*, trans. and ed. Hans H. Gerth and C. Wright Mills (New York, 1946), pp. 77–128 [Вебер М. Политика как призвание и профессия // Избранные произведения / Макс Вебер ; пер. с нем. А.Ф. Филиппова, П.П. Гайденко; сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; предисл. П.П. Гайденко. М.: Прогресс, 1990. С. 644–706].

часто являются убийцами или, кажется, становятся убийцами слишком быстро и слишком легко.

Зная все это или большую часть этого, хорошие и достойные люди все-таки вступают в политическую жизнь, нацелившись реформировать что-то конкретное или ища всеобщего преобразования. Затем им требуется усвоить урок, который первым стремился преподать Макиавелли: «приобрести умение отступать от добра» (“how not to be good”)⁷. Некоторые из них неспособны к обучению, многие другие — делают вид, что неспособны. Но они не преуспеют, пока не научатся [отступать от добра], ибо они присоединились к жестокому соревнованию за власть и славу; они выбрали работать и бороться, как говорит Макиавелли, «сталкиваясь с множеством людей, чуждых добру» (“so many who are not good”). Они сами не смогут принести пользу, пока не выиграют борьбу, чего они вряд ли добьются, если не будут готовы и способны использовать необходимые средства. Поэтому мы относимся с подозрением даже к лучшим из победителей. Не будет признаком нашей испорченности, если мы сочтем их просто более хитрыми, чем остальных. В конце концов, они победили не потому — или не только потому, — что были добрыми, но также потому, что отступали от добра. Никто не преуспевает в политике, не запачкав своих рук. Это снова конвенциональная мудрость, и снова я не хочу настаивать, что это истина без оговорок. Я повторяю ее только для того, чтобы раскрыть моральную дилемму, присущую данной конвенции. Ибо иногда правильно попытаться преуспеть, и тогда должно быть правильно запачкать руки. Но руки пачкаются от совершения того, что делать неправильно. А как может быть неправильным сделать то, что правильно? Или как мы можем запачкать наши руки, делая то, что нам следует делать?

⁷ См. *The Prince*, chap. XV; ср. *The Discourses*, bk. I, chaps. IX и XVIII. Я цитирую две эти работы по изданию Modern Library (New York, 1950), p. 57 [Макиавелли Н. Государь // Избранные сочинения / Никколо Макиавелли ; пер. с ит. Г. Муравьевой; вступит. статья К. Долгова; сост. Р. Хлодовского; коммент. М. Андреева и Р. Хлодовского. М.: Худож. лит., 1982. С. 345].

II

Лучше всего будет сразу обратиться к нескольким примерам. Я выбрал два: один относится к борьбе за власть, а другой — к ее применению. Мне следует подчеркнуть, что в обоих этих случаях люди, которые сталкиваются с дилеммой грязных рук, основываются на серьезных убеждениях, выбирая поступить таким образом; эти случаи ничего не говорят нам о том, каково это, так сказать, очутиться в данной дилемме, и я не буду здесь распространяться об этом. Политики часто утверждают, что они не имеют права сохранять свои руки чистыми, и это вполне может быть правдой для них, но это не столь очевидно верно для всех остальных. Вероятно, если мы вообще можем уклониться от тех положений, в которых нас могли бы заставить совершать ужасные вещи, мы действительно имеем на это право. Это право может быть рассмотрено как моральный эквивалент нашего юридического права не свидетельствовать против себя. Хорошие люди не будут спешить отказываться от этого права, хотя иногда на то есть причины, и среди них есть — или могут быть — причины, по которым хорошие люди идут в политику. Но давайте представим политика, который не согласен с этим: он хочет творить добро, только творя добро, или, по крайней мере, он уверен, что может не доходить до самых развращающих и жестоких применений политической власти. Очень быстро эта уверенность подвергнется испытанию. Что мы тогда подумаем о нем?

«Он хочет выиграть выборы, — скажет кто-то, — но он не хочет пачкать руки». Это звучит как поношение (*disparagement*), даже несмотря на то, что сказанное также значит, что критикуемый человек из тех, кто не будет лгать, обманывать, заключать сделки за спинами своих сторонников, кричать нелепости на публичных собраниях или манипулировать другими. Исходя из предположения, что эти конкретные выборы следует выиграть, я думаю, понятно, что это поношение оправдано. Если кандидат не хотел пачкать руки, ему следовало остаться дома; если он взялся за гуж, ему не следует говорить, что он не дюж, и тому подобное. Его решение баллотироваться было обязательством (перед всеми нами, кто считает эти выборы важными) стремиться к победе, то есть делать в разумных пределах

все, что необходимо, чтобы победить. Но этот кандидат — нравственный человек. У него есть принципы и история соблюдения этих принципов. Именно поэтому мы поддерживаем его. Пожалуй, когда он отказывается пачкать свои руки, он просто настаивает на том, чтобы оставаться тем, кто он есть. А разве не такого человека мы хотим?

Давайте рассмотрим этот случай поближе. Для того, чтобы выиграть выборы, кандидат должен заключить с нечестным муниципальным руководителем (ward boss) сделку, предусматривающую предоставление контрактов на строительство школ в ближайшие четыре года. Следует ли ему заключать сделку? «Ну, по крайней мере, ему не следует удивляться этому предложению», — вероятно, сказала бы большинство из нас (конвенциональное саркастическое замечание). А следует ли ему принять ее или нет — зависит от того, что именно поставлено на карту на этих выборах. Но это не точка зрения кандидата. Он крайне неохотно даже рассматривает эту сделку, отмахивается от своих помощников, когда они напоминают ему о ней, отказывается проводить расчеты ее возможных последствий на кампанию. Так вот, если он поступает таким образом потому, что сама мысль о переговорах с тем конкретным муниципальным руководителем заставляет его чувствовать себя нечистым, его нежелание не представляет интереса. Его чувства сами по себе не важны. Но он также может иметь основания для своего нежелания. Например, он может знать, что некоторые из его сторонников поддерживают его именно потому, что считают его хорошим человеком, что для них значит — человеком, который будет не заключать подобных сделок. Или он может сомневаться в собственных мотивах рассмотрения данной сделки, задаваясь вопросом, политическая ли кампания или его кандидатура делают сделку хоть сколько-нибудь соблазнительной. Или он может полагать, что, если сейчас он заключит подобного рода сделки, позже он может оказаться не в состоянии достичь тех целей, что делают кампанию стоящей, — и он может чувствовать себя не в праве брать такие риски в отношении будущего, которое является не только его будущим. Или он может просто думать, что эта сделка нечестная и, следовательно, неправильная, развращающая не только его самого, но и все те человеческие отношения, в которые он вовлечен.

Мы знаем, что он хороший человек, потому что он испытывает угрызения совести (*scruples*) подобного рода. Но мы смотрим на кампанию в определенном свете, оцениваем ее важность определенным образом и надеемся, что он преодолееет свои угрызения совести и заключит сделку. Важно подчеркнуть, что мы не хотим, чтобы сделку заключил *кто попало*; мы хотим, чтобы ее заключил *он* именно потому, что он испытывает угрызения совести по этому поводу. Мы знаем, что он поступает правильно, когда заключает сделку, потому что он знает, что поступает неправильно. Я имею в виду не только то, что он будет чувствовать себя плохо — или даже очень плохо — после того, как заключит сделку. Если он хороший человек, каким я его себе представляю, он будет чувствовать вину, то есть он будет считать, что он виновен. Вот что значит иметь грязные руки.

Все это может стать яснее, если мы рассмотрим более драматичный пример, ибо мы, пожалуй, слегка пресыщены политическими сделками и не склонны сильно беспокоиться о человеке, который их заключает. Итак, рассмотрим политика, который воспользовался государственным кризисом (*national crisis*) — затяжной колониальной войной, — чтобы прийти к власти. Он и его товарищи побеждают на выборах, пообещав деколонизацию и мир; они искренне привержены обеим целям, хотя не без некоторого осознания выигрышности этих обязательств. В любом случае за войну они не несут ответственности; они неуклонно выступали против нее. Политик сразу же отправляется в колониальную столицу, чтобы начать переговоры с повстанцами. Но столица охвачена террористическими акциями, и первое решение, перед которым оказывается новый лидер, таково: его просят санкционировать пытку захваченного лидера повстанцев, который знает — или, вероятно, знает — местоположение нескольких бомб, спрятанных в многоквартирных домах по всему городу и готовых взорваться в ближайшие двадцать четыре часа. Политик приказывает пытать лидера повстанцев, будучи убежден, что он должен делать так ради людей, которые в противном случае могут погибнуть при взрывах, — даже несмотря на то, что он считает, что пытка — это

неправильно, более того, отвратительно не просто иногда, но всегда⁸. Он часто и гневно выражал это убеждение во время своей кампании; все остальные восприняли это как признак его великодушия. Как нам теперь следует относиться к нему? (Как ему следует относиться к самому себе?)

И снова, кажется, недостаточно сказать, что ему следует чувствовать себя очень плохо. Но почему нет? Почему бы ему не следует испытывать чувства, подобные тем, что испытывал у Св. Августина меланхоличный солдат, который понимал и то, что его война справедлива, и то, что убийство — даже в справедливой войне — это ужасный поступок⁹? Разница в том, что Августин не считал, что убивать в справедливой войне — неправильно; это просто печально, или это то, чем был бы опечален хороший человек. Но он мог думать, что пытаться в справедливой войне — неправильно, и поздние католические теоретики определенно думали, что это неправильно. Более того, политик, которого я представляю, считает это неправильным, как и многие из нас, кто его поддерживал. Несомненно, теперь мы вправе ожидать от него чего-то большего, чем меланхолии. Когда он приказал пытаться заключенного, он совершил моральное преступление и взял на себя моральное бремя (*moral burden*). Теперь он виновный человек. Его готовность признать и нести свою вину (и, пожалуй,

⁸ Я выношу за скобки вопрос о том, несет ли сам заключенный ответственность за террористическую кампанию. Быть может, он выступал против нее на собраниях повстанческой организации. В любом случае, заслуживает ли он наказания или нет, он не заслуживает пыток.

⁹ Другие авторы утверждали, что христиане никогда не должны убивать, даже в справедливой войне; существовала также промежуточная позиция, которая наводит на мысль об истоках идеи грязных рук. Так, Василий Великий (епископ Кесарии в IV веке н.э.) [пишет]: «Убийств на войне отцы наши не вменяли в убийства... Но, может быть, не худо посоветовать, чтобы нечистые руки в продолжение трех лет удерживались от одного Приобщения» [Святитель Василий Великий, Архиепископ Кесарии Каппадокийской Творения: В 2 т. Том второй: Аскетические творения. Письма. Прил. 1: Святитель Амфилохий, епископ Иконийский. Творения. Прил. 2: Статьи о свт. Василии Великом. М.: Сибирская Благовонница, 2009. С. 707–708]. Здесь грязные руки — это своего рода скверна (*impurity*) или недостойнство, что не то же самое, что чувство вины, хотя и тесно с ней связано. Для общего обзора этих и других христианских взглядов смотрите Roland H. Bainton, *Christian Attitudes Toward War and Peace* (New York, 1960), особенно главы 5–7.

раскаяться (to repent) и искупить ее (do penance for) — это свидетельство, и это единственное свидетельство, которое он может нам предложить, и как того, что он не слишком хорош для политики, так и того, что он достаточно хорош для нее. Вот он — моральный политик: по его грязным рукам мы узнаем его. Если бы он был нравственным человеком, да и только, его руки не были бы грязными; если бы он был политиком только и всего, он бы делал вид, что они чистые.

III

Аргумент Макиавелли о необходимости приобрести умение отступать от добра со всей очевидностью подразумевает, что существуют поступки, признаваемые дурными совершенно независимо от непосредственных обстоятельств, в которых они совершаются или не совершаются. Он указывает на особый набор политических методов и стратегий, которые хорошие люди должны изучить (читая его книги) не только потому, что их использование не дается легко, но также потому, что они эксплицитно осуждаются моральными учениями, принимаемыми хорошими людьми, и чье принятие, в свою очередь, служит признаком того, что люди хорошие. Эти методы могут осуждаться, потому что их считают противоречащими божественному закону, или естественному порядку, или нашему моральному чувству, или потому что, предписывая закон для самих себя, мы индивидуально или коллективно запретили их. Сам Макиавелли не распространяется относительно такого рода вопросов, и я тоже не стану, если этого получится избежать. Следствия этих различных взглядов, по крайней мере в одном существенном смысле, одинаковы. Они освобождают нас от работы по постоянному прикреплению моральных ярлыков к таким макиавеллистским методам, как обман и предательство. Такие методы просто дурны. Это именно те вещи, которых хорошие люди избегают, — по крайней мере, до тех пор, пока они не приобретут умение отступать от добра.

Так вот, если не существует такого класса действий, то не существует и дилеммы грязных рук, и макиавеллистское учение теряет то, что Макиавелли, несомненно, намеревался ему придать: его тревожный и

парадоксальный характер. В таком случае то, что он говорит, может быть понято так, что политические акторы должны иногда преодолевать свои моральные ограничения (*moral inhibitions*), но не так, что они должны иногда совершать преступления. Я полагаю, что философы-утилитаристы тоже хотят принять первое утверждение и отвергнуть второе. С их точки зрения, кандидат, заключающий коррупционную сделку, и чиновник, санкционирующий пытку заключенного, должны быть описаны как хорошие люди (в представленных мной случаях), которым, пожалуй, следует засвидетельствовать почтение за принятие правильного решения, когда решение было непростым. Существует три пути развития этого аргумента. Во-первых, можно сказать, что каждый политический выбор следует делать исключительно с учетом его конкретных и непосредственных обстоятельств, то есть с учетом разумных альтернатив, имеющихся знаний, возможных последствий и тому подобного. Тогда хороший человек столкнется с трудным выбором (когда его знания вариантов и исходов радикально неопределенны), но не может случиться так, что он столкнется с моральной дилеммой. Действительно, если он всегда принимает решения таким образом и его с детства учили поступать так, ему никогда не придется преодолевать свои ограничения, что бы он ни делал, ведь как он мог приобрести ограничения? Предложим далее, что он взвешивает альтернативы и проводит расчеты последствий серьезно и добросовестно, он не может совершить преступление, хотя наверняка может совершить ошибку, даже очень серьезную ошибку. Даже когда он лжет и пытается, его руки останутся чистыми, ибо он сделал наилучшим образом то, что должен был, оставшись на мгновение один на один перед необходимостью выбора.

Это в некотором роде привлекательное описание процесса принятия морального решения, но оно также крайне неправдоподобно. Ибо хотя кто-нибудь из нас может оказаться один на один, и все в таком духе, когда мы принимаем то или иное решение, мы не изолированы или не одиноки в своих нравственных жизнях. Нравственная жизнь — это социальный феномен, и она являет собой, по крайней мере отчасти, правила, знание которых (и, пожалуй, создание которых) мы разделяем со своими ближними. Опыт столкновения с этими правилами, оспаривания запретов и

оправдания себя другим настолько распространен и настолько очевидно важен, что никакая оценка процесса принятия моральных решений не может не учитывать его. Отсюда второй утилитаристский аргумент: такие правила действительно существуют, но они, на самом деле, не являются запретами дурных поступков (хотя, пожалуй, по педагогическим причинам, они и правда имеют эту форму). Они являются моральными руководствами, краткими изложениями прежних расчетов. Они облегчают нам выбор в рядовых случаях, ведь мы можем просто следовать их требованиям и делать то, что было сочтено полезным в прошлом; в исключительных случаях они служат сигналами, предостерегающими нас от совершения очень быстро или без самых осторожных расчетов того, что не было сочтено полезным в прошлом. Но они не делают ничего сверх этого; они не имеют иной цели, и потому не может случиться так, что попать их будет — или даже могло бы быть — преступлением¹⁰. И сделав так, нет необходимости чувствовать вину. Еще раз, если в каком-либо трудном случае правило следует нарушить, то человек, сделавший так после добросовестных раздумий, вполне может гордиться своим достижением (особенно если он знает, что многие из его близких просто бы тревожились, но не действовали).

Но этот взгляд, как мне кажется, не лучше улавливает реальность нашей нравственной жизни, чем предыдущий. Вполне можно сказать, что моральным правилам следует носить характер руководств, но кажется, что в действительности они таковыми не являются. Или, по крайней мере, нарушая правила, мы защищаем себя, как если бы эти правила обладали неким статусом, полностью независимым от их прошлой полезности (и мы редко гордимся собой). Слова, которые мы обычно приводим в защиту, — это не просто оправдания; это также и извинения. Так вот, как говорит Остин (Austin), эти двое могут *казаться* очень близкими друг

¹⁰ Правила Брандта не представляются теми, которые можно попать — за исключением, пожалуй, солдата, который решает, что просто *не будет* больше убивать гражданских, неважно что послужило причиной, — поскольку все, чего они требуют, — это тщательный расчет. Но я полагаю, что правила иного рода, которые имеют форму обычных требований и запретов, могут и на самом деле фигурируют в том, что называется “утилитаризмом правил”.

к другу — действительно, я предположу, что они могут появиться рядом в одном и том же предложении, — но они концептуально различны, и различаются они в таком ключевом отношении: извинение — это, как правило, признание вины; а оправдание же — это, как правило, отрицание вины и утверждение невинности¹¹. Рассмотрим широко известные слова защиты из шекспировского «Гамлета», которые часто повторяются в политической литературе: «Из жалости я должен быть жесток» (“I must be cruel only to be kind”)¹². Эти слова произносятся в момент, когда Гамлет на самом деле жесток по отношению к своей матери. Я вынесу за скобки возможность того, что она заслуживает выслушивать (чтобы ее заставили выслушивать) все те резкие слова, которые тот произносит, ибо сам Гамлет не делает такого заявления, — и если она действительно заслужила это, его слова не были бы жестокими или не был бы жесток сам Гамлет, произнося их. [Часть предложения] — «Я должен быть жесток» (“I must be cruel”) — содержит извинение, поскольку она и признает вину, и предполагает, что Гамлет совершил это, не имея иного выбора. Он делает то, что должен; он ничего не может с собой поделать (учитывая повеление призрака, прогневшее Датское королевство и т.д.). Остальная часть предложения — это оправдание, ибо она предполагает, что Гамлет намерен и ожидает, что исходом его действий будет некая доброта, и мы должны предположить, что он имеет в виду некую большую доброту, некую доброту для правильных людей или что-то в этом роде. Однако это не столь полное оправдание, чтобы Гамлет был способен сказать, что он *на самом деле* не жесток. «Жестокий» (“Cruel”) и «добрый» (“kind”) имеют абсолютно одинаковый статус; они оба следуют

¹¹ J.L. Austin, “A Plea for Excuses,” в *Philosophical Papers*, ed. J.O. Urmson and G.J. Warnock (Oxford, 1961), pp. 123–152.

¹² *Hamlet* 3.4.178 [Шекспир У. Гамлет, принц датский // Полное собрание сочинений в восьми томах, Том 6 / Уильям Шекспир; пер. с англ. М. Лозинского; под общ. ред. А. Смирнова и А. Аникста, прим. А. Смирнова. М.: Государственное издательство «ИСКУССТВО», 1960. С. 100].

за глаголом «быть» (“to be”), а значит, они как нельзя лучше раскрывают моральную дилемму¹³.

Когда правила попираются, мы не говорим или не действуем так, как будто они не были приняты в расчет, отменены или аннулированы. Они все еще актуальны и, по крайней мере, оказывают большое влияние: мы знаем, что мы совершили что-то плохое, даже если то, что мы сделали, было также наилучшим из того, что мы вообще могли сделать в данных обстоятельствах¹⁴. Или, по крайней мере, мы так чувствуем, и это чувство само по себе является ключевой характеристикой нашей нравственной жизни. Отсюда третий утилитаристский аргумент, который признает практическую пользу вины и стремится ее объяснить. Существуют, похоже, веские причины для “переоценности” (“overvaluing”) правил, равно как и для их попраania. Ведь последствия могли бы быть действительно очень плохими, если бы правила попирались всякий раз, когда моральный расчет казался бы противоречащим им. Наверное, лучше всего, если большинство людей проводят расчеты не слишком аккуратно, а просто следуют правилам; так, в конце концов, они с меньшей вероятностью совершают ошибки. Таким образом, хороший человек (или, по крайней мере, обычный хороший человек) будет уважать правила гораздо больше, чем если бы он считал их всего-навсего руководствами, — и он будет чувствовать вину, когда попирает их. Действительно, если бы он не чувствовал вины, «он не был бы таким хорошим человеком» (“he would not be such

¹³ Сравните со следующими строками из стихотворения Бертольта Брехта «К потомкам»: «Увы, / Мы, готовившие почву для всеобщей приветливости, / Сами не смогли быть приветливы» (“Alas, we / Who wished to lay the foundations of kindness / Could not ourselves be kind...”) (Selected Poems, trans. H. R. Hays [New York, 1969], P. 177) [Брехт Б. Стихотворения. Рассказы. Пьесы / Бертольд Брехт; пер. с нем.; вступ. статья, сост. и примеч. И. Фрадкина; ил. А. Крылова. М.: Издательство «Художественная литература», 1972. С. 218]. Это скорее извинение, чем оправдание (стихотворение является *апологией*).

¹⁴ Роберт Нозик обсуждает некоторые возможные следствия попраania правила в своей статье “Moral Complications and Moral Structures,” *Natural Law Forum*, 13 (1968): 34–35 и примечания. Нозик предполагает, что после того, как нарушено правило (по веским причинам), может остаться «обязанность возмещения ущерба» (“duty to make reparations”). Он не называет это «виной», хотя оба понятия тесно связаны.

a good man”)¹⁵. Именно по его чувству мы и узнаем его. Благодаря этому чувству он никогда не станет торопиться попирать правила, а будет ждать, пока не останется иного выбора, действуя только для того, чтобы избежать последствий, которые и неминуемы, и почти наверняка бедственны.

Очевидная трудность с этим аргументом заключается в том, что это чувство, практическая польза которого объясняется, крайне маловероятно будет испытываться кем-то, кто убежден только в его практической пользе. Кто-то нарушает утилитаристское правило (руководство), скажем, по веским утилитаристским причинам: но может ли он тогда чувствовать вину, также по веским утилитаристским причинам, в тех случаях, когда у него нет причины считать, что он *является* виновным? Представим морального философа, разъясняющего третий аргумент человеку, который на самом деле чувствует вину, или тому, кто вероятно почувствует вину. Либо этот человек не примет утилитаристское объяснение как оценку своего чувства о правилах (вероятно, лучший исход с утилитаристской точки зрения), либо он примет его и тогда перестанет испытывать это (полезное) чувство. Но я не хочу исключить возможность некой суеверной тревоги, то есть возможность, что некоторые люди продолжают чувствовать вину, даже после того, как им объяснят, — и они согласятся, — что они не могут *быть* виновны. Лучше всего сказать только то, что чем полнее они принимают утилитаристскую оценку, тем менее вероятно они испытывают это (полезное) чувство. Таким образом, утилитаристская оценка оказывается вовсе не полезной, если политические акторы принимают ее, и это может помочь нам понять, почему она играет, как отметил Хэар, столь незначительную роль в нашем моральном воспитании¹⁶.

¹⁵ Hare, “Rules of War and Moral Reasoning,” p. 179.

¹⁶ Существует и другая возможная утилитаристская позиция, предложенная в книге Мориса Мерло-Понти *Humanism and Terror*, trans. John O'Neill (Boston, 1970). Согласно этой точке зрения, мучение и чувство вины, переживаемые человеком, который принимает решение «запачкать руки», проистекают из его радикальной неопределенности о фактическом исходе. Вполне возможно, ужасная вещь, которую он совершает, окажется сделанной напрасно; результаты, которые, он надеется, не наступят; единственным исходом будет боль, которую он причинил, или обман, который он породил. Тогда (и только тогда) он действительно совершит преступление. С другой стороны, если ожидаемое благо на самом деле наступает, тогда (и только тогда) он может отказаться от своего чувства вины; он может сказать — и все

IV

Еще одно замечание по поводу третьего аргумента: стоит подчеркнуть, что чувствовать вину значит страдать и что люди, чьи чувства вины здесь называются полезными, сами являются невиновными, согласно утилитаристской оценке. Итак, кажется, мы наталкиваемся на другой случай, где страдание невинного не просто допускается, но даже поощряется утилитаристским расчетом¹⁷. Но, несомненно, невинному человеку, который сделал что-то мучительное или тяжелое (но оправданное), следует помочь уклониться или избежать чувства вины; в такой момент он мог бы обоснованно ожидать поддержки от своих близких, даже от моральных философов. С другой стороны, если мы интуитивно считаем, что в отношении какого-то человека верно, что ему *следует* чувствовать вину, тогда нам следует быть способными точно указать природу его вины (и, если он хороший человек, добиться его согласия). Я думаю, что могу смоделировать ситуацию, которая, лишь с незначительным изменением, подчеркивает, в чем разница между двумя этими ситуациями.

остальные должны согласиться, — что он оправдан. Это своего рода отложенный утилитаризм (*delayed utilitarianism*), где оправдание — вопрос фактических, а вовсе не предсказанных исходов. Нетрудно представить себе политического актора, тревожно ожидающего «вердикта истории». Но предположим, что вердикт вынесен в его пользу (если исходить из того, что существует *окончательный* вердикт или статут о сроках давности для возможных вердиктов): он, несомненно, почувствует облегчение — без сомнения, более сильное, чем все остальные. Однако я не вижу причины, почему ему следует считать себя оправданным, если он является хорошим человеком и знает, что то, что он сделал, было неправильно. Пожалуй, жертвы его преступления, видя счастливый исход, оправдают его, но история не в праве оправдать его. Действительно, история, скорее, разыгрывает злые шутки над нашим моральным суждением. Предсказанные исходы, по крайней мере, мыслятся как следующие из наших собственных поступков (это и есть предсказание), но действительные исходы почти наверняка имеют множество причин, сочетание которых вполне может быть неожиданным. Мерло-Понти подчеркивает риски процесса принятия политического решения так сильно, что превращает политику в азартную игру с временем и обстоятельствами. Но тревога игрока не составляет большого морального интереса. И она, как совершенно ясно показывает книга Мерло-Понти, не является серьезным препятствием для совершения самых ужасных преступлений.

¹⁷ Ср. случаи, предложенные Дэвидом Россом (David Ross), *The Right and the Good* (Oxford, 1930), pp. 56–57, и Э.Ф. Карриттом (E.F. Carritt), *Ethical and Political Thinking* (Oxford, 1947), p. 65.

Рассмотрим распространенную практику распределения винтовок, заряженных холостыми патронами, некоторым членам расстрельной команды. Отдельным стрелкам не сообщают, заряжены ли их ружья боевыми патронами, и, хотя все они выглядят для жертвы как палачи, никто из них не знает, являются ли они на самом деле палачами или нет. Цель этой стратагемы — избавить каждого стрелка от чувства, что он является убийцей. Она едва ли может избавить его от какой бы ни было моральной ответственности, которую он несет, служа в расстрельной команде, — да и не в этом ее цель, ибо расстрел не считается (и давайте допустим в данном случае, что это именно так) безнравственным или неправильным поступком. Но ограничение против убийства другого человека настолько сильно, что даже если члены расстрельной команды считают, что то, что они делают, — правильно, они все же будут чувствовать вину. Неопределенность относительно их фактической роли, по-видимому, снижает интенсивность этого чувства. Если это так, то данная стратагема совершенно оправдана, и остается только радоваться каждому случаю, когда она срабатывает, ибо каждый такой случай уменьшает число невиновных стрелков, которые страдают.

Но, я думаю, мы бы отнеслись к этому иначе, если представим человека, который считает (и давайте предположим здесь, что мы тоже считаем), либо что смертная казнь — это неправильно, либо что эта конкретная жертва невиновна, но который тем не менее соглашается стать членом расстрельной команды по какой-то преобладающей политической или моральной причине, — я не буду пытаться предположить, что это за причина могла бы быть. Если его успокаивает трюк с винтовками, тогда у нас будут достаточные основания считать, что его сопротивление (*opposition*) смертной казни или его вера в невиновность жертвы не являются нравственно глубокими. А если они глубокие, он не только будет чувствовать вину, он будет знать, что он виновен (и мы тоже будем знать это), хотя он также может считать (и мы можем согласиться), что у него есть веские причины для того, чтобы взять на себя эту вину. Мы можем обмануть наше чувство вины, когда оно изолировано от наших моральных убеждений, как в первом случае, но не тогда, когда оно связано с ними, как во втором случае. Сами по себе убеждения и правила, в

Васильев А. В.
Уолцер М. Политическое действие: проблема грязных рук
пер. с англ. Васильев А.В.

которые мы верим, могут быть только *попраны* — мучительный процесс, который заставляет человека оценивать зло, на которое он готов пойти для того, чтобы поступить правильно, и который оставляет после себя боль, и должен действовать таким образом, — даже после того, как решение было принято.

V

Это и есть дилемма грязных рук в том виде, в каком ее переживали политические акторы и описывали в литературе о политическом действии. Я не хочу утверждать, что это только политическая дилемма. Несомненно, мы можем запачкать наши руки в частной жизни, и иногда, без сомнения, нам следовало бы. Но самым драматичным образом эта проблема ставится в политике по трем причинам, которые делают политическую жизнь такой, какая она есть: потому что мы заявляем, что действуем ради других, но также служим себе; потому что мы управляем другими; и потому что мы применяем насилие против них. Запачкать руки в политике легко, и делать так — часто правильно. Но нелегко обучить хорошего человека умению отступать от добра, как и нелегко объяснить такому человеку самого себя после того, как он совершил какие бы ни было преступления, которые от него требуются. По крайней мере, это нелегко после того, как мы согласились использовать слово «преступления» и (потому что у нас нет иного выбора) жить с дилеммой грязных рук. И все же это согласие достаточно распространено, и на его основе развились три широкие традиции объяснения, три способа размышления о грязных руках, которые происходят некоторым общим образом из неоклассического, протестантского и католического взглядов на политику и мораль. Я хочу попробовать сказать несколько слов о каждой из них, а точнее — о показательных примерах каждой из них, ибо каждый кажется мне частично правильным. Но я не думаю, что могу составить из них такую совокупную точку зрения, которая могла бы быть полностью правильной.

Первая традиция лучше всего представлена Макиавелли, насколько мне известно, первым человеком, сформулировавшим парадокс, который я рассматриваю. Хороший человек, который нацелен основать или

реформировать республику, должен, говорит нам Макиавелли, делать ужасные вещи, чтобы достичь своей цели. Подобно Ромулу, он должен убить своего брата; подобно Нуме, он должен лгать народу. Однако иногда «обвинять его будет содеянное — оправдывать результат» (“when the act accuses, the result excuses”)¹⁸. Это высказывание из «Рассуждений о первой декаде Тита Ливия» часто понимается так, будто политический обман и жестокость оправдываются хорошими результатами, которые они приносят. Но если бы они были оправданы, то не было бы и необходимости учиться тому, чему Макиавелли претендует обучить: приобрести умение отступать от добра. Было бы только необходимо научиться умению придерживаться добра новым, более сложным, пожалуй, окольным путем. Но не в этом аргумент Макиавелли. Его политические суждения действительно являются консеквенциалистскими по характеру, но его моральные суждения — нет. Мы узнаем, применяется ли жестокость хорошо или плохо, по ее последствиям с течением времени. Но то, что применять жестокость — плохо, мы узнаем каким-то другим образом. Обманчивого и жестокого политика извиняют (если он преуспеваает) только в том смысле, что все остальные приходят к соглашению, что результаты «стоили того», или, что более вероятно, мы просто забываем его преступления, когда восхваляем его успех.

Важно подчеркнуть приверженность самого Макиавелли существованию моральных стандартов. Его парадокс зависит от этой приверженности так же, как зависит от общей стабильности этих стандартов, которую он поддерживает в своем последовательном использовании таких слов, как «добро» и «зло»¹⁹. Если он хочет, чтобы хорошие люди пренебрегали этими стандартами чаще, чем это происходит, то у него нет ничего, чем можно заменить их, как и нет иного способа распознать хороших людей, кроме как по их преданности тем же самым стандартам. Он пишет, что

¹⁸ The Discourses, bk. I, chap. IX (p. 139) [Макиавелли Н. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия // Избранные сочинения / Никколо Макиавелли; пер. с ит. Р. Хлодовского; вступит. статья К. Долгова; сост. Р. Хлодовского; коммент. М. Андреева и Р. Хлодовского. М.: Худож. лит., 1982. С. 399].

¹⁹ Для совершенно иного взгляда на Макиавелли см. Isaiah Berlin, “The Question of Machiavelli,” *The New York Review of Books*, 4 November 1971.

крайне редко добрый человек пожелает использовать дурные средства, чтобы сделаться государем²⁰. Цель Макиавелли — убедить такую личность предпринять попытку их использовать, и он сулит высшие политические награды — власть и славу — тому, кто сделает так и преуспеет. Однако хорошего человека не вознаграждают (или не извиняют) только за его готовность запачкать свои руки. Он должен совершать дурные вещи хорошо. Не существует награды за то, чтобы совершать дурные вещи плохо, пусть даже они были совершены с наилучшими намерениями. Таким образом, политическое действие неизбежно предполагает принятие риска. Но должно быть ясно, что рискуют не личной добротой — *это отбрасывается*, — а властью и славой. Если политик преуспевает — он герой; вечная хвала — это высшая награда за отступление от добра.

Макиавелли не говорит, какие наказания полагаются за отступление от добра, и, вероятно, в первую очередь по этой причине, его моральная чувствительность так часто подвергалась сомнению. Ему не доверяют не потому, что он говорит политическим актерам, что они должны запачкать свои руки, а потому, что он не указывает точно, какое состояние духа (the state of mind) подобает человеку с грязными руками. Макиавеллевский герой не имеет внутренней жизни (inwardness). Мы не знаем, что он думает о себе. Наряду с большинством других читателей Макиавелли, я бы предположил, что он наслаждается своей славой. Но тогда трудно оценить силу его первоначального нежелания приобрести умение отступать от добра. В любом случае он не тот, кто ведет дневник, и поэтому мы не можем выяснить, что он думает. Однако мы действительно хотим знать; прежде всего, мы хотим рассказа о его терзаниях. Это желание является признаком нашей собственной добросовестности и воздействия на нас следующей традиции мысли, которую я хочу рассмотреть и в которой личные терзания иногда кажутся единственным приемлемым извинением за политические преступления.

²⁰ *The Discourses*, bk. I, chap. XVIII (p. 171) [Макиавелли Н. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия // Избранные сочинения / Никколо Макиавелли ; пер. с ит. Р. Хлодовского; вступит. статья К. Долгова; сост. Р. Хлодовского; коммент. М. Андреева и Р. Хлодовского. М.: Худож. лит., 1982. С. 420].

Вторая традиция, я думаю, лучше всего представлена Максом Вебером, который с огромной силой обрисовывает ее сущностные характеристики в самом конце своего эссе «Политика как призвание и профессия». Для Вебера хороший человек с грязными руками все еще герой, но герой трагический. Отчасти его трагедия заключается в том, что, хотя политика — это его призвание, он не был призван Богом и поэтому не может быть оправдан Им. Герой Вебера одинок в мире, который, кажется, принадлежит Сатане, а его призвание — всецело его собственный выбор. Он все еще хочет того, что всегда хотели христианские магистраты (Christian magistrates): и творить добро в мире, и спасти свою душу, — но теперь эти две цели вступили в резкое противоречие. Они противоречивы из-за необходимости применять насилие в мире, где Бог установил свой меч. Политик сам берет меч, и, только делая так, он на самом деле соответствует своему призванию. С полным осознанием того, что делает, он совершает зло для того, чтобы творить добро, и проигрывает свою душу. Он, говорит Вебер, «спутывается с дьявольскими силами, которые подкарауливают его при каждом действии насилия» (“lets himself in...for the diabolic forces lurking in all violence”). Быть может, Макиавелли тоже имел в виду, что его герой проигрывает спасение в обмен на славу, но недвусмысленно этого не сказал. Вебер же абсолютно ясен: «гений или демон политики живет во внутреннем напряжении с богом любви... , которое в любой момент может привести к непримиримому конфликту» (“the genius or demon of politics lives in an inner tension with the god of love...[which] can at any time lead to an irreconcilable conflict”)²¹. Его политик, когда наступает этот конфликт, смотрит на него с жестким реализмом, никогда не делает вид, что конфликт может быть разрешен

²¹ “Politics as a Vocation,” pp. 125–126 [Вебер М. Политика как призвание и профессия // Избранные произведения / Макс Вебер ; пер. с нем. А.Ф. Филиппова, П.П. Гайденоко; сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; предисл. П.П. Гайденоко. М.: Прогресс, 1990. С. 703]. Но иногда политический лидер все же выбирает «абсолютистскую» сторону конфликта, и Вебер пишет (с. 704–705), что это «нечто человечески подлинное и трогательное..., когда зрелый человек, ...который...ощущает свою ответственность за последствия, ...в какой-то момент говорит: “Я не могу иначе, на том и стою”». К сожалению, он не высказывает предположение, где именно находится этот момент, или даже где он мог бы быть.

компромиссом, вновь выбирает политику и решительно отворачивается от любви. Вебер пишет об этом выборе со страстной принципиальностью, что вызывает беспокойство о душе как о чем-то, что кажется не более возвышенным, чем плоть. Однако читатель никогда не сомневается, что его зрелый, превосходно натренированный, неумолимый, объективный, ответственный и дисциплинированный политический лидер оказывается также страдающим слугой. Его выбор тяжел и мучителен, и он платит цену не только тогда, когда совершает его, но отныне и навсегда. Политик не теряет свою душу в один день и не находит ее на следующий.

Трудности этого взгляда будут ясны для любого, кто когда-либо встречал страдающего слугу. Вот он — политик, который лжет, интригует, посылает других людей на смерть и страдает. С тяжелым сердцем он делает то, что должен. Он говорит нам, что никто из нас не может знать, какой ценой ему обходится исполнение долга. Действительно, мы не можем знать, ибо он сам устанавливает цену, которую платит. И именно в этом заключается проблема данного взгляда на политическое преступление. Мы подозреваем страдающего слугу либо в мазохизме, либо в лицемерии — или и в том и в другом, — и хотя мы часто ошибаемся, мы не ошибаемся всегда. Вебер пытается разрешить проблему грязных рук полностью в пределах границ индивидуальной совести, но я склонен думать, что это и невозможно, и нежелательно. Самосознание трагического героя, очевидно, имеет большую ценность. Мы хотим, чтобы у политика была внутренняя жизнь, по крайней мере, похожая на ту, которую описывает Вебер. Но иногда страдание героя нуждается в социальном выражении (ибо, подобно наказанию, оно подтверждает и укрепляет наше чувство, что определенные поступки неправильны). И, что не менее важно, иногда его нужно социально ограничивать. Мы не хотим, чтобы нами управляли люди, которые потеряли свои души. Политику с грязными руками нужна душа, и будет лучше для нас всех, если у него есть какая-то надежда на личное спасение, что бы ни имелось в виду. Это не тот случай, когда он, совершая зло для того, чтобы творить добро, навсегда сдается демону политики. Он совершает определенное преступление и

должен понести определенное наказание. Когда он сделает так, его руки снова станут чистыми, — или настолько чистыми, насколько вообще могут быть чистыми человеческие руки. Так всегда учила Католическая церковь, и это учение является центральным для третьей традиции, которую я хочу рассмотреть.

И опять я возьму современного и павшего представителя этой традиции и рассмотрю пьесу Альбера Камю «Праведники». Герои этой пьесы — террористы, действующие в России XIX века. Грязь на их руках — человеческая кровь. И все же, по словам Камю, его восхищение ими абсолютно. «Мы готовы стать преступниками, — говорит один из них, — никто не может нас в чем-то упрекнуть». Вот она — дилемма грязных рук в новой форме. Герои являются невиновными преступниками, праведными убийцами, потому что, убивая, они готовы умереть сами, — *и умрут*. Лишь их казнь, совершенная теми же деспотическими властями, которые они атакуют, завершит действие, в котором они участвуют: умирая, они не нуждаются в извинениях. Это конец их вины и мучения. Казнь — это не столько наказание, сколько самонаказание и искупление. На эшафоте они отмывают свои руки и, в отличие от страдающего слуги, умирают счастливыми.

И вот аргумент пьесы, будучи представленным в столь радикально упрощенной форме, может показаться немного странным, и, пожалуй, он исковеркан моральным экстремизмом политических взглядов Камю. «Политическое действие имеет пределы, — пишет он в предисловии к тому, содержащему «Праведников», — и нет доброго или праведного действия, кроме того, которое признает эти пределы, а если оно должно выйти за них, то, по крайней мере, допустить смерть» (“Political action has limits...and there is no good and just action but what recognizes those limits and if it must go beyond them, at least accepts death.”)²². Меня здесь интересует не столько жестокость этого «по крайней мере» — а что бы оно еще могло значить? — сколько та разумная доктрина, которую эта фраза преувеличивает. Эта доктрина может быть лучше всего описана посредством

²² *Caligula and Three Other Plays* (New York, 1958), p. x. (Предисловие переведено Джастин-ом О'Брайаном (Justin O'Brian), пьесы — Стюартом Гилбертом (Stuart Gilbert).)

аналогии: я хочу предположить, что праведное убийство подобно гражданскому неповиновению. В обоих случаях люди нарушают свод правил, выходят за моральный или юридический предел для того, чтобы сделать то, что, по их мнению, им следует сделать. В то же время они признают свою ответственность за это нарушение, принимая наказание или принося покаяние. Но между ними существует разница, которая связана с разницей между законом и моралью. В большинстве случаев гражданского неповиновения законы государства нарушаются по моральным причинам, и государство налагает наказание. В большинстве же случаев грязных рук моральные правила нарушаются по государственным причинам, и никто не налагает наказание. Редко бывает, что царский палач ожидает за кулисами политиков с грязными руками, даже тех из них, кто заслуживает этого больше всего. Моральные правила обычно не применяются против того актора, которого я рассматриваю, во многом потому, что тот действует в официальном качестве. А если бы они применялись, грязные руки не были бы проблемой. Мы бы просто чувствовали человека, который совершил зло для того, чтобы сотворить добро, и в то же время мы бы наказывали его. Чествовали бы мы его за то добро, которое он сотворил, и наказывали бы его за то зло, которое он совершил. То есть мы бы наказывали его по тем же причинам, по которым мы наказываем кого-либо еще; я не ставлю здесь своей целью защищать какой-либо конкретный взгляд на наказание. В любом случае, кажется, не существует способа установить или применить наказание. За исключением священника и исповедальни, нет никаких властей, которыми мы могли бы вверить эту задачу.

Тем не менее я склонен думать, что взгляд Камю является самым привлекательным из трех хотя бы потому, что он требует от нас, по крайней мере, представить наказание или искупление, которое соразмерно преступлению, и, следовательно, внимательно рассмотреть природу преступления. Другие взгляды этого не требуют. Как только государь Макиавелли начинает свою карьеру, его преступления, кажется, подчиняются только контролю благоразумия. А преступления веберовского трагического героя ограничены только его способностью к страданию, а не, как

им следовало бы, *нашей* способностью к страданию. После того, как моральный кодекс уже отброшен, несомненно, с большими персональными издержками, на него уже нет какой-либо эксплицитной отсылки ни в том, ни в другом случаях. Вопрос, поставленный сартровским Хедерером (который, я подозреваю, является страдающим слугой) — риторический, и ответ на него очевиден (я уже его дал), но характерный размах обоих вызывает тревогу. Ввиду того, что вызывают тревогу только те преступления, которые следует совершить, дилемма грязных рук, кажется, исключает вопрос степени. Это не проблема произвольной или чрезмерной жестокости, а также не проблема жестокости, направленной на дурные цели. Но политическое действие настолько неопределенно, что политики неизбежно берут на себя как моральные, так и политические риски, совершая преступления, которые, как они думают, следует совершить. Они попирают эти правила, не будучи даже уверены, что нашли наилучший путь к результатам, которых надеются достичь, и мы не хотим, чтобы они делали это слишком быстро или слишком часто. Поэтому важно, чтобы моральные ставки были очень высокими, что означает, чтобы правилами отдавали должное. Я полагаю, что в этом и есть причина экстремизма Камю. Однако без палача некому устанавливать ставки или сохранять ценности, кроме как нам самим, и, вероятно, никак, кроме как через философское повторение и политическую деятельность.

«С обманом не покончишь, оказываясь лгать, — говорит Хедерер, — единственное средство — уничтожение классов» (“We shall not abolish lying by refusing to tell lies...but by using every means at hand to abolish social classes.”)²³. Я подозреваю, что мы не уничтожим ложь вообще, но мы могли бы позаботиться о том, чтобы ее меньше говорилось, если бы ухитрились лишиться власти и славы величайших лжецов, за исключением, конечно, тех немногих счастливицков, чьи необычайные достижения заставляют нас забыть о лжи, которую они говорили. Если Хедерер преуспеет в уничтожении социальных классов, пожалуй, он присоединится к этим немногим счастливицкам. Меж тем он лжет, манипулирует и убивает, и

²³ *Dirty Hands*, p. 223 [Сартр Ж.-П. Грязными руками // Грязными руками: Пьесы / Жан-Поль Сартр ; пер. с фр. Харьков: Фолио; М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ», 1999. С. 281].

Васильев А. В.
Уолцер М. Политическое действие: проблема грязных рук
пер. с англ. Васильев А.В.

мы должны проследить за тем, чтобы он заплатил цену. Однако мы не будем способны сделать это, не запачкав свои собственные руки, и тогда мы должны будем найти какой-то способ заплатить цену сами.

Список литературы

1. Святитель Василий Великий, Архиепископ Кесарии Каппадокийской Творения: В 2 т. Том второй: Аскетические творения. Письма. Прил. 1: Святитель Амфилохий, епископ Иконийский. Творения. Прил. 2: Статьи о свт. Василии Великом. М.: Сибирская Благовонница, 2009. 1232 с.
2. Шекспир У. Гамлет, принц датский // Полное собрание сочинений в восьми томах, Том 6 / Уильям Шекспир ; пер. с англ. М. Лозинского; под общ. ред. А. Смирнова и А. Аникста, прим. А. Смирнова. М.: Государственное издательство «ИСКУССТВО», 1960. С. 3-157.
3. Austin L.J. A Plea for Excuses. In: J.O. Urmson and G.J. Warnock (eds.) *Philosophical Papers*. London, Oxford: Clarendon Press; 1961.
4. Berlin I. The Question of Machiavelli. *New York Review of Books*. 4 November 1971; 17: 20-37.
5. Brandt R.B. Utilitarianism and the Rules of War. *Philosophy & Public Affairs*. 1972; 1(2): 145-165.
6. Brecht B. *Selected Poems*. New York: Grove Press; 1969. [Пер. на русский язык: *Брехт Б. Стихотворения. Рассказы. Пьесы* / Бертольд Брехт ; пер. с нем.; вступ. статья, сост. и примеч. И. Фрадкина; ил. А. Крылова. М.: Издательство «Художественная литература», 1972. 815 с.]
7. Camus A. *Caligula and Three Other Plays*. Trans. Stuart Gilbert. New York: Vintage Books; 1958. [Пер. на русский язык: *Камю А. Праведники* // Сочинения. В. 5 т. Т. 3 / Альбер Камю ; пер. с фр. Ю. Гинзбург; коммент. А. Руткевича, С. Дубина. Харьков: Фолио, 1998. С. 5-58].
8. Carritt F.E. *Ethical and Political Thinking*. Oxford: Clarendon Press; 1947.
9. Hare R.M. Rules of War and Moral Reasoning. *Philosophy & Public Affairs*. 1972; 1(2): 166-181.
10. Machiavelli N. The Discourses. In: *Machiavelli N. The Prince and The Discourses*. Trans. Christian E. Detmold. New York: The Modern Library; 1950.

- [Пер. на русский язык: *Макиавелли Н. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия // Избранные сочинения / Никколо Макиавелли ; пер. с ит. Р. Хлодовского; вступит. статья К. Долгова; сост. Р. Хлодовского; коммент. М. Андреева и Р. Хлодовского. М.: Худож. лит., 1982. С. 379-452].*
11. Machiavelli N. The Prince. In: *Machiavelli N. The Prince and The Discourses*. Trans. Luigi Ricci. New York: The Modern Library; 1950. [Пер. на русский язык: *Макиавелли Н. Государь // Избранные сочинения / Никколо Макиавелли ; пер. с ит. Г. Муравьевой; вступит. статья К. Долгова; сост. Р. Хлодовского; коммент. М. Андреева и Р. Хлодовского. М.: Худож. лит., 1982. С. 300-378].*
 12. Merleau-Ponty M. *Humanism and Terror: An Essay on the Communist Problem*. Trans. John O'Neill. Boston: Beacon Press; 1970.
 13. Nagel T. War and Massacre. *Philosophy & Public Affairs*. 1972; 1(2): 123-144.
 14. Nozick R. Moral Complications and Moral Structures. *Natural Law Forum*. 1968; 13: 1-50.
 15. Roland H. Bainton. *Christian Attitudes Toward War and Peace*. New York: Abingdon Press; 1960.
 16. Ross D. *The Right and the Good*. Oxford, GB: Oxford University Press UK; 1930.
 17. Sartre J.-P. Dirty Hands. In: Sartre J.-P. *No Exit and Three Other Plays: Dirty Hands, The Flies, The Respectful Prostitute*. Trans. Stuart Gilbert & Lionel Abel. New York: Vintage Books; 1955. [Пер. на русский язык: *Сартр Ж.-П. Грязными руками // Грязными руками: Пьесы / Жан-Поль Сартр ; пер. с фр. Л. Каменской. Харьков: Фолио; М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ», 1999. С. 203-302].*
 18. Weber M. Politics as a Vocation. In: *From Max Weber: Essays in Sociology*. Trans. and Ed. H.H. Gerth and C. Wright Mills. New York: Oxford University Press; 1946. [Пер. на русский язык: *Вебер М. Политика как призвание и профессия // Избранные произведения / Макс Вебер ; пер. с нем. А.Ф. Филиппова, П.П. Гайденко; сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; предисл. П.П. Гайденко. М.: Прогресс, 1990. С. 644-706].*
 19. Williams B. *Morality: An Introduction to Ethics*. New York: Harper Torchbooks, Harper & Row, New York; 1972.

[Пустая страница]

[This page intentionally left blank]

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

«Дискурсы этики» — рецензируемое научное ежеквартальное издание, цель которого — публикация оригинальных статей, результатов научных исследований, посвященных актуальным проблемам теоретической и прикладной этики, социологии и антропологии морали, истории этики и т.п., а также обзоров научных событий и новой научно-исследовательской литературы.

Материалы публикуются на русском или английском языках.

Рецензирование всех присланных материалов осуществляется в установленном редакцией порядке.

Более подробная информация на сайте издания:
<http://theoreticalappliedethics.org/>

INFORMATION FOR AUTHORS

“Discourses of Ethics” is a quarterly peer-reviewed academic journal. Its goal is the publication of the original papers, the research results on topical issues of theoretical and applied ethics, sociology and anthropology of morality, history of ethics etc.

Papers are published in English, or in Russian.

All submitted texts are reviewed in accordance with the procedure established by the editorial board.

For detailed information please check our website:
<http://theoreticalappliedethics.org/>

Научное издание

Дискурсы этики

Выпуск 4(28), 2025

ISSN (Печатный): 2306-9430

ISSN (Онлайн): 2311-570X

Discourses of Ethics

Issue 4(28), 2025

ISSN (Print): 2306-9430

ISSN (Online): 2311-570X

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации СМИ: Эл № ФС77-81587 от 03 августа 2021 г.

<http://theoreticalappliedethics.org/>

Ответственный редактор: к.филос.н., доц. В.Ю. Перов
Выпускающий редактор: С.В. Глебова

верстка: Н.П. Макарова, А.В. Васильев

Тексты печатаются в авторской редакции.

Подписано к печати 28.02.2026. Формат бумаги 60 x 84 1/16.
Усл.печ.л. 7.21

Онлайн-издание. Постоянная ссылка:
http://theoreticalappliedethics.org/archive/2025_4_28/